

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 47 (4437)

21 ноября 1973 г. СРЕДА

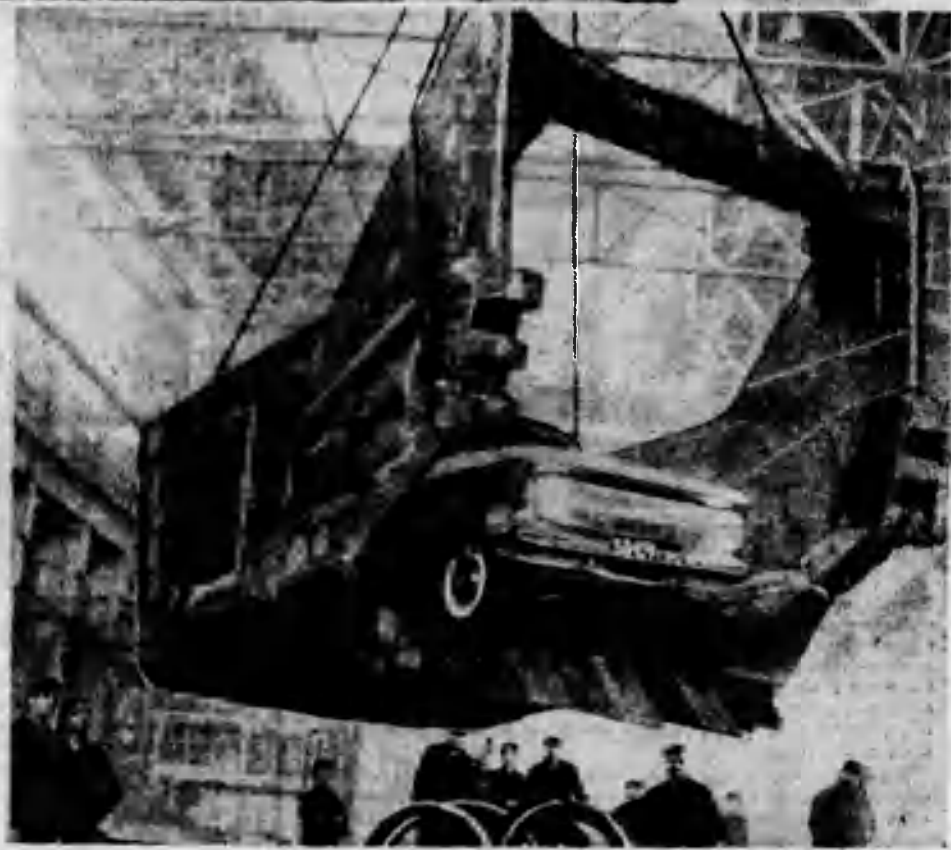

ГАЗЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

СВЕРДЛОВСК. Площадь имени 1905 года. Такие копии для шагающих «кавалеров» выйдут из цехов «Уралмаша».

РАБОТНИК И ВОИН

Г ОРОДУ Свердловску — 250 лет!

Я люблю Свердловск, люблю его неповторимый облик города-завода, его знаменитые памятники архитектуры, овеянные народными преданиями, его тенистые зеленые улицы. Но главное — я люблю его людей. Они всегда стояли на передовых рубежах своего времени.

Много лет назад, когда понадобилось родные мастера, Никифор Клеопин, Константин Гордеев, Тимофей Бурцев, Леонтий Злобин, Иван Королев и тысячи других рабочих людей и солдат под руководством Василия Таттшера в короткий срок возвели завод-крепость Екатеринбург. Потом, в годы революционного движения, отсюда переправлялся В. И. Ленин вся информация о забастовках для первого номера «Искры». Здесь поднимали традиции на борьбу Я. М. Свердлов, Р. С. Землячка и другие представители ленинской гвардии.

На одной из строительных площадок города рапортовал Сергей Орджоникидзе: первый директор «Уралмаша» А. Баников. Отсюда ушел на фронт скромный уральский инженер, чтобы стать легендарным разведчиком Николаем Кузнецовым. В простом бревенчатом доме на улице Чапаева создавалась Павлом Бажовым его прекрасная «Малахитовая шкатулка», наполненная самоцветами — сказками рабочего Урала. Именно из Свердловска разлетелся по белу свету мелодичные песни Евгения Родионова «Уральская рябинушка», «Едут новоселы», и «Баллы снегом».

Славу любимому городу создают его люди. Если в 1913 году жителей здесь было всего сто тысяч, то сейчас свердловчан более миллионы. Они трудятся на 170 крупнейших промышленных

предприятиях, среди которых такие всемирно известные гиганты, как орденосные «Уралмаш», «Уралхиммаш», старейший Верх-Исетский металлургический завод, который помолодел сейчас, с вводом в строй первой очереди холодного проката трансформаторной стали. Продукция с марками свердловских заводов отправляется в 60 стран мира.

Театры, киностудия, издательство, журналы, газеты Свердловска, как и продукция его заводов, знают повсюду. Достаточно вспомнить, что на сцене Свердловского театра оперы и балета начинали свой творческий путь прославленные певцы И. Королёвский, С. Лемешев, Г. Пирогов, Ф. Мухоморов, Б. Школов, И. Архипов, Ю. Гуляев.

Тесно связаны с жизнью города и наши писатели. Трудно себе представить, что сказки П. Бажова и «Малыш» И. Листякова могли быть написаны в другом месте, так же как и книги об уральцах. Нины Половой, Ольги Марковой, Вадима Очеретина, переведенные на многие языки. Детские книги В. Крапивиной, руководителя пионерского отряда «Кара-велла», выходящие массовыми тиражами в центральных издательствах и читаются ребятами в других странах, а песни Г. Бокарева «Сталинград» с успехом поставил МХАТ.

Я верю, что дела свердловчан, вдохновенно воплощающих в жизнь решения XXIV съезда КПСС, помогут создать писателям еще более значительные книги о рабочем человеке, о подвиге мозаичных, отмеченном ныне орденом Ленина.

Лев СОРОКИН, ответственный секретарь Свердловской областной писательской организации

С ОВЕТСКАЯ Белоруссия рождена Великим Октябрем, и белорусский народ всегда торжественно отмечает эту славную годовщину. А в нынешнем году республика еще дольше не снимала своего праздничного убранства.

Коммунистическая партия, весь советский народ высоко оценили вклад Белорусской ССР в строительство новой жизни. Теперь на знамени республики рядом с двумя орденами Ленина и орденом Октябрьской Революции засияла четвертая награда Родины — орденом Дружбы народов. Вручая его, Председатель Совета Министров СССР товарищ Алексей Николаевич Косыгин сказал: «Белоруссия щедро отдает на алтарь этой дружбы все лучшее, что есть у ее народа. И она получает в ответ то же самое от народов других республик. Это и есть отношения товарищества, дружбы, братства, которые делают могучим и нерушимым наш союз социалистических республик».

Я сидел на торжественном заседании, на котором сказались люди со всех уголков республики, взгляды в их счастливые и взволнованные лица, и пред моим мысленным взором вставали картины из дней моего юности, не такого уж, кажется, далекого прошлого.

Вспомнилась родная Ушачина, бурные комсомольские собрания, на которых мы, молодежь, вместе думали, что нужно сделать, чтобы приблизить то прекрасное, светлое будущее, о котором говорил Ленин.

Как мы радовались, когда в деревне появились первые тракторы! Каков это было великое для всех нас событие, когда зажглись огни Белгэсса, первой крупной электростанции в Белоруссии.

Я сидел и думал о том, что помогло белорусским, некогда одним из самых отста-

Петрусь БРОВКА

СЛАВА НАШЕЙ ДРУЖБЕ!

26 ноября начинается официальный дружественный визит Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Индию.

● ИНТЕРВЬЮ С ИЗВЕСТНЫМ ИНДИЙСКИМ ПИСАТЕЛЕМ ХОДЖА АХМАДОМ АББАСОМ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ СССР И ИНДИИ

● ИНДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР

стр. 2

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ стр. 4-5

ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ ПОЧЕМУ СЛАБА ПОДГОТОВКА АБИТУРИЕНТОВ? Говорят руководители филологических факультетов

стр. 6

ПОЭЗИЯ

НОВЫЕ СТИХИ А. МАРТЫНОВА, И. ТАРБИ, Э. АСАДОВА, Ю. ВОРОНОВА, Ф. ВАСИЛЬЕВА, Г. ЭМИНА

стр. 7

В ОДИН ДЕНЬ С ТЕЛЕТАЙПНОЙ ЛЕНТЫ...

«Молодая гвардия» выпускает «КамАЗ»

15 ноября на строительстве Камского автомобильного комплекса одержана большая трудовая победа — строители и монтажники завершили сооружение трех корпусов кузнечного завода: штамповочного, автоматизированного и механизированного штамповочного цеха. Кузнечный завод Камского завода станет крупнейшим в Европе, его мощность — 300 тысяч тонн поковки в год.

И вот сейчас, в эти дни, сдается в печать большая, посвященная ударной стройке и, быть может, первая книга, которая так и называется — «КамАЗ». Ее выпускает издательство «Молодая гвардия».

Под обложкой этого интересного, хорошо иллюстрированного сборника (редактор — Н. Самарская) мы видим разных авторов. Генеральный директор Камского автомобильного завода Лев Васильев в интересной статье «КамАЗ — главная стройка» дает широкий, так сказать, экономический портрет будущего автогиганта. С несомненным интересом читатель познакомится с очерками

15 ноября в Набережных Челнах распахнул двери первый в городе дворец культуры строителей КамАЗа. В нем больше залов для симфонических концертов и демонстраций кинофильмов, танцев и занятий спортом. В ближайшее время здесь вступит в строй районные культурные центры с кинотеатрами, библиотеками и клубами, будет сооружен и общегородской центр. В него войдут драматический и кукольный театры, театр юного зрителя, цирк, дворцы культуры, кинотеатры. Дом народного творчества.

писателей Анатолия Злобина «Камские встречи» и Виталия Семкина «Строится жизнь», а также журналиста Людмила Абраменко и Раисы Биктагирова.

Людам и делам КамАЗа посвящена статья первого секретаря Набережно-Челнинского горкома КПСС Раиса Беляева. В сборник вошли стихи Ярослава Смедякова, Владимира Кострова, Юрия Котова, Михаила Львова, Феликса Чуева, Салимы Шариповой.

Статьи, очерки, репортажи, стихи опытных литераторов и молодежи — участников литературных объединений составили содержание будущей, уже шагающей по типографскому конвейеру книги,

ЭТЮДЫ

НОВАЯ РУБРИКА ОТКРЫВАЕТСЯ МАТЕРИАЛОМ ПИСАТЕЛЯ Виталия ТОКАРЕВО

стр. 12

ГОРОД, ЧЕЛОВЕК, АВТОМОБИЛЬ

стр. 13

Специальный корреспондент АПН и «Литературной газеты» Генрих Боровик продолжает рассказ о чилийской трагедии

стр. 14

Город на Неве... В праздничной колонне идут выпускники — рабочие Ленинградского оптико-механического объединения (ТОМО), герои нашего фоторассказа.

ОНИ — С ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЫ

«Передовой рабочий сегодня», — говорил товарищ Л. И. Брежнев на XV съезде профсоюзов, — это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду. Он чувствует себя хозяином производства, человеком, ответственным за все, что происходит в нашем обществе.

О таких людях, славных представителях рабочего класса страны, рассказывает сегодня в фоторассказе Всеволода ТАРАСЕВИЧА (АПН) и заметках писателя Евгения ВОЕВОДИНА «Они — с Выборгской стороны».

стр. 10-11

Иван Тарба широко известен в Абхазии и как поэт, и как прозаик. Известен он и русскому читателю — за последние двадцать лет на русском языке вышло много книг и его поэмы, и его стихи, так что мне нет нужды представлять его читателям «Литературной газеты». Мне лишь хочется отметить, что новое и, на мой взгляд, любопытное, что наметилось в последней книге стихов Ивана Тарба «Книга песен», переведенной с абхазского на русский язык Юрием Изюмовым. В этой книге Иван Тарба, как мне кажется, находит новый для себя путь использования народной традиционной поэзии. Он не стилизует свои стихи под старые народные песни, не подражает их форме, не увлекается архаикой. Скорее всего, он в другом: он как бы переводит на язык современной поэзии то, что услышал в детстве и юности, переводит то, что переводило, то, что в душевной сущности своей не изменяло и не может измениться, ибо связано с такими чертами народного духа и нравственных традиций, которые живут, не умирают, на наших глазах, на прошлой и будущей.

Иван ТАРБА

Песня жены над раненым мужем

Ранен муж.
Я склонилась над ним,
Прижимаясь щекой
к его ранам.
Потому он остался живым,
Что слыла я его
талисманом.
Принесли. Был бледный
полотна,
Но, отчаянный духом
мужчина,
Он шепнул:
— Не печалься, жена,
Золотая моя половина.
И от мужа, не пряча огня,
Возносила любовь
на вершины,
И ни разу с дня
свадьбы меня
Упрекнуть не имел
он причины.
Мужу кажется:
будто в бою

Константин СИМОНОВ

Он шагает вдоль
дымной поляны.
Колыбельную мужу спою,
Чтобы сон врачевал
его раны.
— Баю-баю!
Восходит луна,
Под которой тебя
полонила.
Я твой ангел-хранитель,
жена,
Золотая твоя половина.
Жизни мужа
тонюсенькая нить,
Облака, как повязки,
И не лежать, а я,
талисманом.
Ей, земной, не даю
оборваться.

Песня в честь хлеба

Венчан знаками судеб
В поле хлеб под отчим
небом.
— С новым хлебом!
С новым хлебом!

Вечно молод древний
хлеб.
Вечно молод древний
плуг,
Вечна пахара зобота.
В пору птичьего прилета
Молод солнца древний
круг.

В земледельцах искони
Велика была потреба.
Не привыкли сеять хлеба
Лишь кочевники одни.

Молод древний бубенец —
Звонкий жаворонка голос.
И к добру клонится
Рыжеусый молодец.

Говорят: и стар, и млад
Не единым хлебом живы,
Но они, лелея нивы,
Хлебом на ногах стоят.

Вечен хлеб, как связь
времен,
И гласит седел повесть:
Честен хлеб — спокойна
совесть,
Ясен день и сладок сон.

И с утра наверняка,
Будь крута или полого,
К хлебу честная дорога
Пусть приводит едока.

Песня в честь огня

Ветер ринулся в набег,
На горах взметая снег,
Что белой асбеста.
Путник, заходи к нам
в дом,
Для тебя пред очагом
В нем найдется место.
Заходи к нам,
путник, днем
Посидеть перед огнем,
Заходи и ночью.
Вновь огнем любясь, ты

Сможешь в нем
свои черты
Увидать воочию.
Протяну к нему ладонь,
Стерегись: лизнет огонь,
Стар, но неприкаян.
И трубит порой рога,
Что хороший он слуга,
Но плохой хозяин.
Знают горы, что огня
Мы ближайшая родня.
И в груди от века
Только сжигает с костром
Сердце человека.
Знай, отправившийся
в путь,
Если знаешь — не забудь,
Ты ходок или конник,
Кто одной из женщин рад
Поклониться в жизни,
Тот огнепоклонник!

Застольная песня о вине

Мы голов не затуманим
Хмелью доброго вина.
До веселья пить
мы станем,
Пить не станем допьяна.
Тот лишь,
кем вино не читится,
Кто разумен не вполне,
Вдруг способен
очутиться
Рога бычьего на дне.
Мы заслуг
не преуменьшим
Приготовивших вино,
Но поднимем тост
за женщин.
Опьянивших нас давно.
Под чужим и отчим
кровом
Ярко,
как заведено.
Голова пусть
правит словом,
А не буйное вино.

Сыр остер, и травы
пряны,
Шутки меткие не алы.
Будем пить —
не будем пьяны,
Будем, други, веселы.
Не усердствуя,
виночерпий,
Пусть кувшин
не бьет челом,
Чтобы не были в ущербе
От вина мы за столом.
Ташат винные арканы
Слабым духом под столы.
Будем пить —
не будем пьяны,
Будем, други, веселы!

Песня всадника

Висит тропа мысовая,
И, высечен огонь,
Ты, селенкой акая,
Несешь меня, мой конь.
Лихой аллюр я пестую,
И первым, как вздох,
Всех пешех
я приветствую
На лезвиях дорог.
Над речкою, что бесится,
Озвучили гранит
Четыре лунных месяца —
Венцы твоих копий.
Над облаками взбитыми
Звезд шапкою коснусь
Иль, может,
под копытами
Однажды окажусь.
Вчера в гостях до вечера
Гуляли мы весь день,
Хмелев я опрометчиво,
А ты жевал ячмень.
В клубящейся туманности
Дорогой не прямой
Ты из гостей
в сохранности
Меня принес домой.
И неспроста мне
грезится,
Что на вершинах лет
Четыре лунных месяца
Оставили след.
Перевел с абхазского
Яков КОЗЛОВСКИЙ

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрация
художника Джаи-
да Джамала к
сборнику стихов
«Книга жизни»
Берды Керба
басва. Издатель-
ство «Художест-
венная литерату-
ра».

Эдуард АСАДОВ

Всегда в бою

Когда война катилась, подминала
Дома и судьбы сталью гусениц,
Я был где надо — на переднем крае,
Идя в дымку обугленных зарниц.

Бывало все: везло и не везло,
Но мы не гнулись и не колебались,
На нас ползло чудовищное зло,
И мира быть меж нами не могло,
Любые компромиссы исключались!

И думал я — окончится война
И все тогда переопределят люди,
Навек придет на землю тишина
И ничего-то скверного не будет.

Обид и боли годы не сотрут.
Ведь люди столько вынесли на свете,
Что, может статься, целое столетие
Ни ложь, ни зло в сердцах не прорастут.

Имея восемнадцать за спиной,
Как мог я знать в мальчишеских мечтах,
Что зло подчас срывает на поле боя
Бывает даже легче, чем в сердцах.

И вот войны уж и в помине нет,
А порохом таянут не перестало,
Мне стало двадцать, стало тридцать лет,
И больше тоже, между прочим, стало.

А все живу, волнуюсь и борюсь.
Да можно ли жить спокойною судьбою,
Коль часто в мире возле правды — грязь
И где-то подлость рядом с добротой?

И где-то нынче в гордом столетии
Порой сверкают выстрелы во мгле,
И есть еще предательство на свете,
И есть еще несчастья на земле.

И под ветрами с четырех сторон
Иду я в бой, как в юности когда-то,
Гвардейским стягом рдеет небосклон,
Наверно, так вот в мир я и рожден —
С душой поэта и судьбой солдата.

Лес

Грозю до блеска промыты чащи,
А снизу, из-под зеленых ресниц,
Лужи наивно глаза таращат
На пролетающих в небе птиц.

Гром, словно в огненную лису,
Грохнул с утра в горизонт багряный,
И тот, рассыпавшись, как стеклышки,
Брызгами ягод горит в лесу.

Маленький жук золотом каплей
Висит и качается на цветке,
А в речке на длинной своей ноге
Ива нахохлилась, будто цапля,

Дремлет, лесной ворожей объята,
А мимо, покачиваясь в волнах,
Пунктовый, воздушный корабль заката
Плывет на распушенных парусах.

Сосны беседуют не спеша,
И верю я тверже, чем верят дети,
Что есть у леса своя душа,
Самая добрая на планете!

Леонид МАРТЫНОВ

Утром

И побрел
Я, как в тумане,
Будто прямо сквозь дома.

Это было,
Как в романе
Фантастическом весьма.

Что вам снится, горожане,
В жени, в неге, в тишине?
Пусть видений содержание
Станет явственным и мне!

И, как водится, ночами
На рассветном рубяже
Телефоны не рычали,
Отзвеневшие уже,
Не звучали репортажи,
Но под сводом темноты
Песнь прибой пели пляжи,
На лугах паслись цветы,
И щебечущие рощи
Гром небесный не пугал...
Это было много проще,
Чем я сам предполагал.
Это было не в рассказе
Или в повести какой-то
Из иллюзий и фантазий,
Сонной сотканной рукой, —
Это было, как в поэме,
Вышедшей из-под пера
В непоказное время,
В предрассветный час утра!

Хмель сравнений

По небу,
Будто с опозданием,
Как и земные поезда,
Цистерны туч с глумим рыданьем

Летят, быть может, не туда,
А может быть, и не отсюда,
Откуда их, как благодать,
Мы ждем от чуда и до чуда...
А может быть, и поздно ждать?
Но, может быть, и без рыданья,
И вовсе не цистерны туч
Несутся, и без опоздания...
И ты сравнениями не мучь
Их и себя. Ведь не настолько
Воображением ты нищ,
Что все и сравнивать лишь только
С твореньем собственных ручиц!

О, идущие по грибы
Искатели душистых ягод,
Не те, кто, выгоды рабы,
Как будто для несенья тягост
В лес тащатся, а те, кто в лес
Грядет с Природой повстречаться,
Чтоб сумеркам наперерез
К вам возвращаться, домочадцы,
Как будто полную луну
С ее медовыми лучами
Неся на палке за плечами,
И даже не ее одну,
А и гириды звезд, чей свет
Порою столь бывает ярост
И столь обильен, что в подарок
Получит даже и сосед!

Становятся
Совсем бесвязными
Стихи, лиричны до отказа...
А не поддается ли соблазну
Засесть за повесть, за рассказы,
Чтоб, вымышленными именами
Действительные заменяя
Я вымыслил либо снами
Чужих достоинств не роняя,
И без лирического зуда
Изобразить за дивом диво,
Нагромоздить на чудо чудо
Еще правдивей,
Чем правдиво?!

Ю. ВОРОНОВ

Из стихов о блокаде

Наш хлебный суточный паек
Ладонь —
И ту не закрывает.
И человек,
Который слеп,
Теперь — все чаще —
Умирает.
И потому, что нету сил,
А над землей вьюга стонет,
Мы мертвых,
Чтоб не рыть могил,

В траншеи старые
Хороним.
Бушует голод.
И пока
Не разорвать кольца блокады.
И от пожаров облака —
Красны,
Проплыв над Ленинградом.
От них
Плывет небосклон.
И ера, увидя их,
В сматенье:
В них — боль, и гнев,
И дрожь знамен
Перед началом наступленья.

Андрей сорок второго
Капель
Все громче и напевней —
Опять весна

Вступила в силу.
Мы по зарубкам на деревьях
Находим
Зимние могилы.
Как после дрейфа ледоколы,
Дома промерзшие
Отходят:
Встают стекла
В окна школы,
Вода
Гремит в водопроводе!
Нам выдали
Талоны в баню —
Она открылась на Бассейной.
И зайчик солнечный
По зданиям —
Вестником весенним.
И чтоб скорей
С зимой закончить,
Мы все — в работе небывалой:

На улицах
С утра до ночи
Сдираем
Снежные завалы.
Над нами радио играет:
Там песни
Первый раз включили.
Мы им еще не подпеваем...
Но не забыли.
Не забыли...

Ледоход

Когда черемуха цветет,
Бросая вызов
Майским зорям,
В Неву
Вступает ледоход:
Он с Ладоги
Несется к морю.
Посмотришь

В бурный бег реки —
И в ледниках,
В контурах их странных
Узнаешь вдруг
Матерки,
Земные острова и страны.
Вода весенняя кипит,
И льдины
Друг о друга бьются:
Одни тверды,
Как древний щит,
Другие —
Хрупкие, как блюдце.
Они растут,
Пропустив
К морским просторам тех,
Кто крепче...
...Крик чаек, может быть,
О них,
Но им от этого
Не легче.

Георг ЭМИН

Глазам твоим

1.

Все — им,
Глазам твоим,
Чем я владею,
И все, что мне судьба
Подает на старость...
Все, что я раздал,
Все, что осталось,
Чего я жаждал
И о чем я пел, —
Все — им,
Глазам твоим...

Им верю я,
Им все прощаю я,
И даже — если из-за них погибну...
Я им молблю,
Я им слава гимны:
Мои стихи,
Любовь,
Вся жизнь моя —
Им в дар,
Глазам твоим...

О чудо!..
Сердца твоего бинье
Очистило от зла меня в мгновение,
Ни гневом, ни гордыней — не горю...
Твои глаза и твои руки славлю,

Всего превыше твое сердце ставлю,
Благословляю и боготворю...

История одной любви

Туман ли в этом виноват
Иль одиночество — виной?
Но я такой тоской объят,
Такая боль владеет мной!..
Приди ко мне!
Спаси меня!..
Жить не могу без рук твоих!
Все страхи ночи,
Страсти дня
Уйдут по мановенью их...
Приди скорей на мой порог,
Без уст твоих мне нет житья!
Бессмертным становлюсь, как бог,
От их прикосновения я.
Приди!.. И хлынет в тот же миг
Дождь, унося удушье, пыль...
И загорится солнца лик,
Улыбка светлая — не ты ли?
Приди! Сама приди, молю,
Ты зова моего не жди!
Открой без спроса дверь мою,
Как мать к ребенку — приходи!..
Чтоб под покровом темноты
Младенцем стал я в тишине,
Чтобы — сама ребенок — ты
«Мое дитя!» — шепнула мне...

2.
Твои глаза?
Они мне дали зренья:
И, полон радости и изумленья,
Все тайны мира я увидел — в них.
А рук твоих
Одно прикосновение —
Все, что утратил,
Мне вернуло вмиг...
И ощутил я силу и умение
В руках твоих.

Когда я люблю тебя такой,
Когда гляжу — и не дышу,
Боюсь пошевелить рукой,
Не говорю и не пишу...
Когда ты любишь — без игры,
Воссю, без удержу, без поз,
Когда ты даришь мне миры,
Блестящие светом слез...
Когда в великой тишине
Такую робкую — ко мне
Ты ведешь святая страсть,
Из-за которой в ноги пасть
Готов — я так тебя люблю,
Что замолчать себе велю!

Флор ВАСИЛЬЕВ

1.

Притих на поле ветер.
Березы не шумят.
Колосья,
Словно дети
Подросшие, стоят.
И в вышине струится
Холодный свет небес.
И покидают птицы
Притихший грустный лес.
Бледнеет, тает лето
Предутренней луной.
И гром далекий где-то
Прощается с землей.

2.
Аэродром сегодня
В полумгле.
Покрывается густо облаками.
И самолеты нынче —
На земле,
Стоят вдали
С погасшими глазами.
А тучи низко
Над землей летят,
Их задевая ключьями седыми,
Как будто бы
Их поддразнить хотят,
Как будто бы
Куражатся над ними...
Сегодня самолеты
Не летят.
Холодный дождь
По их закрылкам льется.
Они стоят печально
И грустят
О чистом небе,
О веселом солнце.

Белая Кама спешит
Мимо полей необятных
И камышами шуршит,
Плещется
На перекатах.
Людям готова помочь,
Движет плоты,
Яроходы.
Катит,
Трудясь день и ночь,
Неутомимые воды.
Только закончив свой путь
В русле широкого моря,
Может слегка
Отдохнуть
На серебристом
Просторе.
Только не может река
Жить без родимого края,
Не отражать
Облака,
Милые вербы
Качая.
Видно, поэтому ввысь
Светлым туманом поднявшись,
Смотрит из облака вниз
На косогоры
И пашни.
Быстро бегут облака,
К северу мчатся
Родному —
Белая Кама-река
Вновь возвращается
К дому.
Здесь мы
Давно ее ждем.
Ждем — для посева,
Для хлеба.
Летним желанным дождем
Кама спускается
С неба.

Перевел с удмуртского
А. ЖИГУЛИНПеревела с армянского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Дружественный визит в Союз Советских Президентов Югославии Иосипа Броз Тито привлек большое внимание мировой общественности. В ходе визита в столицу Украины, состоялись беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с И. Броз Тито. Они информировали друг друга о состоянии социалистического и коммунистического строительства, обменялись мнениями о развитии сотрудничества между КПСС и СКЮ, СССР и Союзом коммунистов Югославии.

Международные проблемы и вопросы мирового коммунистического и рабочего движения. В Совместном советско-югославском коммюнике отмечаются успешное развитие двустороннего сотрудничества в политической, экономической, научно-технической и культурной областях. Генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель СКЮ высоко оценили результаты достигнутые в области сотрудничества между Коммунистической партией Советского Союза и Союзом коммунистов Югославии.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ВО ИМЯ МИРА И СОЦИАЛИЗМА

При обсуждении международных проблем Л. И. Брежнев и И. Броз Тито особое внимание уделили вопросам, связанным с укреплением и углублением разрядки напряженности, с активным противодействием политике реакционных и агрессивных сил, мешающих оздоровлению политического климата в мире.

Мировая печать уделяет много внимания завершившимся переговорам. Вот некоторые отклики. Трехдневные переговоры прошли в атмосфере искренности, дружбы и взаимного доверия. Третья встреча за два с лишним года товарищей И. Броз Тито и Л. И. Брежнева подтвердила, что

сотрудничество между двумя странами и партиями развивается все успешнее. Переговоры в Киеве, несомненно, дадут новый импульс дальнейшему развитию и расширению сотрудничества. «Борба» (Югославия)

Согласованная политика социалистических стран была и

остается главным двигателем разрядки напряженности. Идем мира и равноправного сотрудничества между народами, за которые последовательно выступают Советский Союз, Югославия и другие социалистические страны, обладающие умом миллионов и миллионов людей. «Нонес Дончанда» (ГДР)

Л. И. Брежнев и И. Броз Тито не только подвели итоги советско-югославского сотрудничества, но и наметили главные цели и пути его дальнейшего развития. Общность взглядов руководителей обеих стран на главные международные проблемы, бесспорно, окажет положительное влияние и на усилия, направленные на прекращение войны в континенте прочного мира. Киевская встреча вновь подтвердила, что Советский Союз и другие социалистические страны целенаправленно и систематически проводят политику разума, равно-

правия и эффективного сотрудничества. «Руде право» (Чехословакия)

Советско-югославское сотрудничество стало важным звеном в мировой социалистической системе. «Неспасибаша» (Венгрия)

Советский Союз и Югославия вновь подтвердили свою полную поддержку справедливого дела арабских народов и решительно осудили экспансионистские устремления Израиля. Агентство MEN (АРЕ)

Мадлен РИФФО: ДОЛГ ПИСАТЕЛЯ

Позднее до встречи с Мадлен Риффо, которая состоялась в редакции «Литературной газеты», я прочитал ее новую книгу «Конь красный». В ней собраны стихи, написанные с 1939 по 1972 год. Чистый свет поэзии озаряет страницы этого лирического дневника, где Мадлен Риффо — героиня Сопротивления, коммунистка, мужественный борец за мир, боевой журналист, писатель «Юманисте» — рисует о своей яркой жизни. И естественно, что наша беседа началась с разговора о сборнике «Конь красный».

— У меня прекрасное ремесло: искать слова, находить истину... — пишет автор. В одном из стихотворений, И. хотел бы привнести, ремесло счастье. Вы рано «нашли истину» и посвятили свою жизнь борьбе за идеалы коммунизма, мира и дружбы народов. — Прекрасное ремесло поэзии для меня всегда оставалось основным, хотя многие годы я занимался журналистикой. «Конь красный» — книга, особенно дорогая мне. Это моя поэтическая биография. В разделе «Его звали Райнер» объединены стихи 1939—1946 годов — времени моей суровой и прекрасной юности. В период Сопротивления я была связана и действовала под кличкой «Райнер» (я взяла ее в честь великого австрийского поэта Райнера Марии Рильке). Со всем молодым девушкам и юношам, мы сражались против фашизма, за свободу Франции. «Мы знали, в кого стрелять», — писала я. Поэзия стала для нас необходимым оружием.

О чем я писала тогда? О борьбе, мужестве, любви, о своих товарищах, о вере в победу. Когда меня схватили гестапо и после страшных пыток приговорили к смертной казни, я и в камере продолжала писать стихи на полях «Коллекционера», который мне дали, чтобы подготовить свою душу к отходу в мир иной. Первая книжка моих стихов вышла сразу же после войны. В ней запечатлен портрет простой французской девушки, которая стала борцом с фашизмом, стала коммунисткой. Мне кажется, что в этих стихах я говорю о себе без прикрас. И я счастлива, что мои стихи нравились Полью Элюару. В других разделах сборника поэтические отражены многие события моей жизни: участие в борьбе за мир, против колониализма, эпизоды журналистской работы, портреты друзей. «Самое прекрасное, что я знала на земле, — это лица людей». Говорить о людях,

об их мужестве, труде и любви, об их мечте о мире — это высокий долг поэта. Это мое дорогое недавнее открытие. Я пыталась, следуя древним и уточненным традициям вьетнамской поэзии, высказать свое восхищение мужеством героического народа Вьетнама.

Мне очень приятно, что «Конь красный» тепло принят французскими читателями. Эта книга пользовалась большим успехом на книжном базаре, который устраивает ежегодно газета «Юманисте».

— Советские читатели знают вас прежде всего как автора вьетнамских репортажей. Расскажите, пожалуйста, о вашей журналистской работе. — Недавно газета «Юманисте» начала публикацию моего большого репортажа на французском языке. Объявлено, что речь во Франции пойдет о поставленном в Вьетнаме деле, особенно близком к скорой помощи. И вот я решила высказать этот вопрос. Я никогда не устала работать санитаркой в одну из парижских больниц. Под именем Марти я проработала в ней сорок дней и все узнала о вьетнамской ситуации. Я не стесняюсь делиться своим репортажем широким сообщением. Мне кажется, все, что я увидела в больнице, говорит само за себя. Такое конкретное, основанное на подлинных фактах исследование жизни «общества потребления», по-моему, просто необходимо, чем роман.

Кроме того, завершаю работу над двумя книгами прозы. В жизни мне везло. Я встречалась с множеством интересных людей. Но я рассказывала в этих книгах не о знаменитостях. Я пишу о простых людях — о тех, кто творит историю. Это будут своеобразные новеллы о людях разных стран, чьи судьбы переплетаются. Сегодня очень важно противопоставить солидарность простых труженников империалистической и расистской пропаганды.

Маяковский однажды сказал, что он чувствует себя в долгу «перед всем, про что не успел написать». Поэт прав, а так выразил и мой чувств. Я тоже ощущаю свой долг перед всем, о чем не смогла еще написать, но обязательно напишу.

— Как вы оцениваете итоги Всемирного конгресса миролюбивых сил? — Я от всей души приветствую этот форум борцов за мир. У этого конгресса, на мой взгляд, есть важная отличительная черта. Подготовка к нему проходила в во многих странах очень достойно. Приведу такой пример: французские доклады отказались обслуживать суда, везущие грузы чилийской хунте. Труженики Франции солидарны и со справедливой борьбой арабских народов против агрессии Израиля. Французский народ, как и все народы планеты, ждет мира, поддерживает политику разрядки международной напряженности. Французы хорошо знают, сколь многим они обязаны миролюбивой политике СССР, первой страны социализма, которую трудящиеся разных стран по праву называют надеждой мира. Всеобщий прочный мир может быть достигнут! Об этом прекрасно сказал в своей речи на конгрессе Леонид Ильич Брежнев. А мир необходим всем людям земли. Необходим для жизни, любви, поэзии... Вел интервью Л. ТОКАРЕВ

СЕМЬ ДНЕЙ В НОЯБРЕ...

ПОЖИНАЮТ ПЛОДЫ

Шутиливый фотомонтаж, где пассажир автомобиля «на всякий случай» держит под уздцы средство передвижения «на одну лошадиную силу», отражает отнюдь не шуточное положение на Западе с запасами героического, хищнического потребления энергоресурсов, характерное для мира «свободного предпринимательства», приносит свои плоды: трудящимся — новые невзгоды и лишения, а монополистам (особенно нефтяным) — новые сверхаприбыли.

Западная пропаганда непрерывно связывает нынешнее кризисное положение в области энергетики исключительно с решением арабских стран сократить добычу нефти и ее поставки в страны, поддерживающие авантюристический курс Тель-Авива. Но это — сознательное искажение истины, ибо энергетический кризис возник и развивался на Западе уже давно. Политика же поддержки экспансионистских действий Израиля привела к обострению этого кризиса.

И вот в Вашингтоне в целях экономии гасят прожекторы, освещающие общественные здания (кроме Капитолия), на улицах голландских городов можно увидеть такие сцены, а дороги Италии перекрыты неподвижными машинами, водители которых объявили забастовку в знак протеста против повышения цен на бензин...

Американскому конгрессмену из штата Миссури Ричарду Айкordu, по-видимому, не терпится сыграть роль Герострата. Хотя он отец семейства, по профессии юрист, занимающийся делами корпораций, однако здание мира, изменившегося к лучшему в результате нормализации советско-американских отношений, вызывает у него желание «поиграть со спичками» и уж, во всяком случае, напугать как можно больше дымом, чтобы отравить атмосферу разрядки.

В этом нас убеждает прозвучавшая на недавнем речеве. Но, прежде чем выступить с этой речью, в основном составленной по шаблону двенадцатилетней давности, он еще созвал и заседание комиссии палаты представителей по вопросам внутренней безопасности, которую имеет сомнительную честь возглавлять.

Конгрессмену из Миссури явно недостало чувств юмора, когда он прокурорским тоном заявил, что некоторые время назад его комиссия предприняла «изучение теории и практики коммунизма». «Изучение» было затеяно для того, чтобы «осудить» коммунизм... опираясь на показания платных осведомителей ФБР. Такие попытки неоднократно предпринимались и до Айкорда. Коммунистическое учение, однако, живет и побеждает, а его «судьи» уходят в Лету, так и не уразумев всей тщетности собственных усилий.

Впрочем, не первый взгляд может показаться, что мру Айкору «изучение коммунизма» хоть в чем-то пошло на пользу — он по

лучшему не терпится сыграть роль Герострата. Хотя он отец семейства, по профессии юрист, занимающийся делами корпораций, однако здание мира, изменившегося к лучшему в результате нормализации советско-американских отношений, вызывает у него желание «поиграть со спичками» и уж, во всяком случае, напугать как можно больше дымом, чтобы отравить атмосферу разрядки.

В этом нас убеждает прозвучавшая на недавнем речеве. Но, прежде чем выступить с этой речью, в основном составленной по шаблону двенадцатилетней давности, он еще созвал и заседание комиссии палаты представителей по вопросам внутренней безопасности, которую имеет сомнительную честь возглавлять.

Конгрессмену из Миссури явно недостало чувств юмора, когда он прокурорским тоном заявил, что некоторые время назад его комиссия предприняла «изучение теории и практики коммунизма». «Изучение» было затеяно для того, чтобы «осудить» коммунизм... опираясь на показания платных осведомителей ФБР. Такие попытки неоднократно предпринимались и до Айкорда. Коммунистическое учение, однако, живет и побеждает, а его «судьи» уходят в Лету, так и не уразумев всей тщетности собственных усилий.

Впрочем, не первый взгляд может показаться, что мру Айкору «изучение коммунизма» хоть в чем-то пошло на пользу — он по

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

ГЕРОСТРАТ ИЗ МИССУРИ

крайней мере сузил тему, заявив, что на этот раз его комиссия займется лишь изучением отношений между Коммунистической партией США и Коммунистической партией Советского Союза.

Ну, а чем, собственно, тут заниматься? Никогда такого вопроса, требующего изучения, коллегами Айкорда, никогда не было и нет. Отношения между Компартией США и КПСС суть отношения двух братских партий, стоящих на общей платформе марксизма-ленинизма, что в плане международного проявляется прежде всего в их беззаветном служении делу мира, интернационалу всех народов. Но Айкорд, повторим, даже сделал особое заявление: «Именно этим вопросом и будет заниматься наша комиссия».

Почему? Вряд ли конгрессмен Айкорд знает, что теория научного коммунизма, являясь орудием познания действительности, одновременно служит и руководством к перестройке самой действительности. Но уж то, что ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем приобрел материальную силу, стал фактором,

положительно влияющим на всю международную обстановку, — уж в этом-то господину Айкору не стоило бы сомневаться. И те из них, «которые ослабили напряженность в отношениях между Советским Союзом и США. Но как раз это и вызывает у них, мягко говоря, неудовольствие. Показательно, что сам Айкорд в своей речи ни разу даже не произнес слова, которое сейчас у всех на устах, а именно — разрядка. Как говорится, упаси бог!

Вместо «нормализации отношений» Айкорд предпочитает говорить: «некоторые последние месяцы». И те из них, «которые ослабили напряженность в отношениях между Советским Союзом и США. Но как раз это и вызывает у них, мягко говоря, неудовольствие. Показательно, что сам Айкорд в своей речи ни разу даже не произнес слова, которое сейчас у всех на устах, а именно — разрядка. Как говорится, упаси бог!

Однако хоть какой-нибудь довод-то в подтверждение этого своего «обеспокоения» он привел или нет? Да, привел, но такой, о котором смешно и говорить: в дополнение к «руке Москвы», на которую м-р Айкорд только намекал, вступил он с «рукой» — угрозе, создаваемой Советским Союзом. Что ж, ступил на порожек публичного антикоммунизма, протоптанную, кстати, до появления на свет самого Айкорда, он пришел к открытому антисоветизму. А все для того, чтобы попытаться скомпрометировать и подорвать курс на разрядку.

Воткнул же Айкорд, а маленький Герострат, покушавшийся на то, что дорого миллионам людей во всем мире.

Юрий ЯРЦЕВ

СУДИТЕ САМИ

ЧТО ПРИЗНАЛ ДЖОЗЕФ КРАФТ

по решению ООН государствене Израиля. Он не договаривает, что о катастрофичности экспансионистской политики, избранной этим руководством, сотни раз предупреждали и прогрессивные силы в самом Израиле, и многие зарубежные деятели, и даже (правда, руководствуясь соображениями фракционной борьбы) некоторые сионистские лидеры. Один из них, Нахум Гольдман, подчеркнул, например, что время работает не на Израиль. В этом отношении и всегда расхожее мнение с Бен-Гурионом, но и с многими нынешними руководителями израильского государства, которые не признают, что Израиль — это маленькая страна, которая грозит уничтожением. Он превратился в империалистическую державу и в империалистическую державу, которую не хочется... Надежда на продолжение статус-кво — опасная иллюзия. Ни арабы, ни иностранные державы не признают свершившегося факта. И еще: «Мы не учитываем то, что мы живем в период,

СУДИТЕ САМИ

ЧТО ПРИЗНАЛ ДЖОЗЕФ КРАФТ

когда положение и мощь западных держав клонятся к упадку. Знаю, что это коммунистическое зло. Быстро возражает во всем мире...»

Такое предупреждение раздавалось неоднократно. Однако понадеялись нынешний «тяжелый удар», чтобы «Вашингтон» посты наконец признал: «Коммунизм превратился в кризис». В заключение своей статьи Крафт пишет уже поочередно: «Кризис сионизма, вероятно, наступил бы все равно». А далее уж и вовсе поразительно в устах Крафта и на страницах «Вашингтон» посты откровение: «Израиль» вполне может преодолеть этот кризис с новыми лидерами и новыми идеями. Можно не сомневаться в безопасности государства. Серьезным является лишь вопрос, сможет ли эта страна в ее нынешних условиях дать новых лидеров».

Конечно, было бы наивно думать, будто американский журналист вообще хоронит сионизм, признавая его течения, враждебным израильскому народу. Он говорит лишь о «преодолении» кризиса сионизма.

Но разве и того, что Крафт уже признал, мало, чтобы сделать выводы, которые следуют сделать?

Анатолий КУРОВ

Передо мной номер английской газеты «Обсервер», где напечатана статья Джозефа Барнклау под названием «Насколько гуманным был Гитлер?». Заголовок, конечно, иронический. Но, прочитав статью, можно убедиться в том, что некоторые публикации и истории на Западе вполне серьезно занимаются изучением этого вопроса.

Тем самым, можно сказать, достигнут новый рубеж в понимании по возможности личности фюрера: о «гуманизме» Гитлера пока еще не смеялись, а теперь защитники фашистского диктатора.

Согласно Кроссу, Гитлер был всего-навсего «добрым и чувствительным человеком», который в «эру личных диктаторов» только следовал «общей тенденции века». Основное соображение Гитлера «Майн кампф», где еще задолго до завоевания власти он изложил свои планы истребления целых рас и завоевания обширных территорий чужих стран, следует рассмотреть, по Кроссу, лишь как «важные политические мысли», а не как программу действий политического лидера. Гитлер, продолжает автор, никогда не имел никаких планов покорения Австрии, Чехословакии или Польши. Правда, он развязал мировую войну. Но это было лишь результатом «ошибки в расчетах». Гитлер, — уверяет Коллин Кросс, — никогда не намеревался вести мировую войну. «Гуманность» Гитлера, по

мнению автора, засвидетельствована многими его поступками, а так называемые «зверства» фашизма — лишь обычные методы утверждения своего господства. Комментируя этот чудовищный тезис Кросса

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

«ГИТЛЕРОВСКАЯ ЛИХОРАДКА» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

са, автор статьи в газете «Обсервер» не может удержаться от замечания: «Бесстрашный тон, в котором Кросс описывает зверства, совершенные нацистами, может вызвать лишь бешенство у представителей старшего поколения, бывших свидетелями этих зверств».

Появление книги Кросса — не случайный эпизод. На нем

давно прошедшей международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне литература о нацизме занимала чуть ли не центральное место. Один лишь западногерманский стенд демонстрировал

на личные вещи фюрера пользуются огромным спросом (среды вполне определенной публики, разумеется). Недавно «мерседес» Гитлера был куплен на аукционе немцами американским поклонни-

ком фюрера за 80 тысяч фунтов стерлингов. В Мюнхене было уплачено 320 фунтов стерлингов за черную одну из речей Гитлера. Фотография с автографом фюрера была продана там же за 450 фунтов стерлингов.

Западногерманский психолог, профессор Кальнского университета Эрвин Шонх считает столь патологиче-

ский интерес к личности Гитлера вполне нормальным: он сравнивает нынешнюю ситуацию с возрождением интереса к личности Наполеона во второй половине XIX века во Франции, че-

личность особая. Гитлер и нацистский режим были объектом самых авантюристических и агрессивных черт германского империализма. Прославление Гитлера сейчас может преследовать лишь одну цель — реабилитировать зловещее прошлое, способствовать возрождению фашистских тенденций и фашистских традиций в современном капиталистическом обществе.

В откликах на статью «Был ли Гитлер Гитлером», напечатанную недавно «Литературной газетой», один из западных критиков высказался резко: «Значит, о фашизме Гитлера и о фашизме вообще ничего нельзя сказать. Нет, не значит! Марксистские исследователи внесли свой вклад в изучение природы германского фашизма и будут и в дальнейшем изучать историю фашизма и роль фа-

шистского диктатора. Немецкое ценное наследие и в западных странах не только марксистскими, но и некоторыми буржуазными учеными.

Но одно дело — разоблачать фашизм, призывая народы делать надлежащие выводы из исторического прошлого. Другое дело — возмещать фашистскую диктатуру и фашистского диктатора, возрождать старые и создавать новые мифы об «исторической миссии» Гитлера, его «демонической силе» и даже — гуманизме. С попытками реабилитировать Гитлера и гитлеризм мириться невозможно — слишком дорогою цену заплатил человечество, чтобы смириться с фашистским режимом, ликвидировать угрозу, которую он создал для всей цивилизации.

Профессор Д. МЕЛЬНИКОВ

ОНИ — С ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЫ

Евгений
ВОЕВОДИН

ни на Ленинград можно увидеть огонь спички. Единственный из старейших рабочих Александр Антонович Беспалов так определил продукцию, выпускаемую объединением. — высокообразованные приборы. Мой сосед, товарищ с ЛОМО Володя Скальнов, убежден — у нас безобразия не было, у нас любовь к порядку, к порядку.

Конечно, Александру Антоновичу было и труднее, и легче. Труднее потому, что сорок с лишним лет назад у него за плечами был только фобозав. Легче же потому, что нынешнюю продукцию с той, прежней, не сравнить. А у Володи десятилетка, кончат техникум тут же, при объединении, собираются в институт. О инновациях, о доводилось монтировать Беспалов и некоторые сразу уходили в деревню, Володя не слышал даже.

Мне нравится сравнивать их — пожилого Александра Антоновича, человека с огромным жизненным опытом, члена Ленинградского комитета защиты мира, лауреата Государственной премии, и молодого Володю Скальнова. Знаете, когда у нас проводились соревнования по профессии, я шел на них сам не свой. Час или полтора до начала был как в тумане. А потом собрался, и вот — первое место. Правда, пошел на несколько килограммов, частное слово.

Конечно, Володя — признанный мастер, но все же не и ему, а и Александру Антоновичу приходит и то, что профессор Георгий Васильевич

Погорев преподавал в институте точной механики и оптики и по старой памяти (сам был когда-то заводским механиком) частенько навещал и давал товарищу. Ведь студентам надо учиться на новом, а все самое новое — здесь, у Беспалова, на опытных участках. Вот и сейчас Александр Антонович занят приборами, которые позволяют производить измерения даже в десятых, а в сотых долях микрона — точность, не поддающаяся воображению.

А почему так часто заглядывает на опытный участок генеральный директор объединения Михаил Панфилов? Да потому, что здесь, если можно так выразиться, самое сердце, и от того, как будут выполнены рабочие опытные образцы, зависит судьба будущей серии.

Голова Панфилова стала совсем белой, а Беспалов помнит его молодым, лет так 35 назад, когда нынешний генеральный директор объединений Михаил Панфилов — лауреат Государственной премии, которая присуждена ему на днях за создание и внедрение в народное хозяйство производственных объединений. Ведь объединение он создавал одним из первых в стране.

Надо, грешен — побанюю цифр. Но нельзя себе представить нынешнее ЛОМО, хотя бы без этой — объединение поставило свою продукцию почти в 90 стран мира. И нередко здесь можно услышать: где Гончаров? В Африке? Где Петухов? В Японии. Дома у монтажника Григория Андреевича Гончарова на плечике стоит мучило крошечка с зубастой пастью.

Подарили в одном африканском селе, где Гончаров монтирует киноаппаратуру. Кругом джунгли, ночью чин-то глаза из темноты блещут. Жирная, конечно, не для Ленинграда. И во всем остальном. Единственное спасение от нее — наловить в реке рыбы да сварить ухицу с дынным — вроде бы оказывалось ближе к дому.

Зато как было радостно, когда, например, сумел объяснить своим помощникам, что такое суббонити, и все как один вышли на него. Или когда показал в африканском селе часть из «Чайки».

В тот день один из зрителей не дождался, и нагнал своего новорожденного сына чапан. Гончаровы, Щербановы, Петуховы на ЛОМО — это еще не династия, но уже рабочее семейство. У Гончарова здесь работают все в полном составе. Среди передовых рабочих — муж и жена Щербановы. Два сына монтажника-регуляторщика Валентина Яковлевича Петухова ушли в Советскую Армию, а вернулись, конечно, сюда же. Петухов шутит: «Будут внуки, тогда поговорим о династии».

А вот какое интервью пришлось выдержать Гончарову, когда он работал на Всемирной выставке «ЭКСПО-70».

— Сколько вы зарабатываете?

— 200 рублей.

— Но основное уходит на квартиру?

— Рубль 8.

— У вас есть дети? Сколько стоит учеба?

— Ничего не стоит.

— Это вам ничего не стоит? Вас наградили?

— У нас рабочих награждают орденами и медалями.

— У вас есть ордена?

— Да, самый высший. Орден Ленина.

— Вы просто о рабочий?

— Самый что ни на есть простой.

— Наверное, вы член партии? И позтому...

— Я беспартийный.

Хоть тресни, не верят! И подают не поверят, если рассказать о посещении Тарасова, что на Карельском перешейке: о дачах, где летом отдыхают сотни рабочих семей, о строительстве своего пансионата в Сочи. О своем комбинате общественного питания и о своих детских садиках. О своих библиотеках (150 тысяч томов). О вечерней школе, физико-математическом техникуме, консультационном пункте Политехнического института, о стипендиях для своих студентов. Вот и пришлось пригласить — приезжайте в гости, посмотрите сами.

Что касается гостей, то на ЛОМО они бывают часто. И здесь уже привыкли к удивлению. Вот, например, приехал один очень известный и очень богатый американский бизнесмен. Обойшел цехи, развел руками и сказал: «Если бы я мог, то с удовольствием поместил в это предприятие свой капитал». Руководители объединения только вежливо улыбнулись...

Мы познакомили вас лишь с немногими из тех, кто работает на ЛОМО. Но каждый из них может с гордостью сказать: мы с Выборгской стороны, и это звучит, как пароль, как свидетельство принадлежности к советскому рабочему классу.

Токарь Владимир Скальнов. Он — член комитета комсомола ЛОМО.

Обычно читальный зал библиотеки Владимира покидает последним — он студент вечернего отделения техникума.

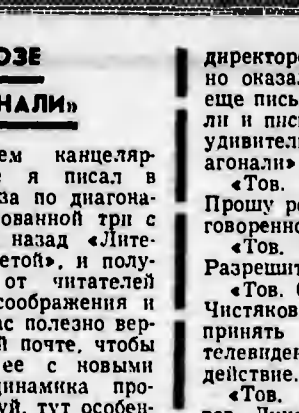
Владимир в числе победителей соревнования за звание лучшего по профессии.

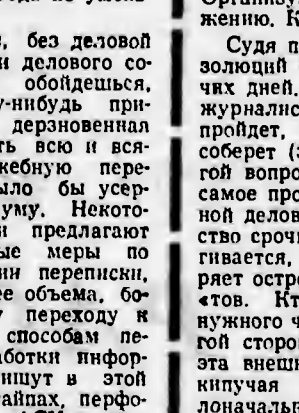
И дома тоже требуется сноровка... Саша справляется сам, а вот младшей Иринке надо помогать...

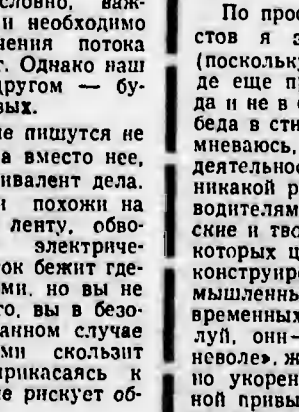
Тихая беседа с сыном...

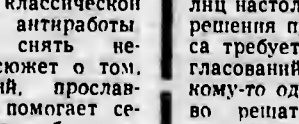
А бывают шумные, интересные встречи в кругу друзей.

Выступления Валентина Яковлевича Петухова отличаются остротой и темпераментом...

Монтажник-регуляторщик Валентин Яковлевич Петухов избран в партком объединения, он член президиума постоянно действующего производственного совещания.

Выступления Валентина Яковлевича на партийных собраниях отличаются остротой и темпераментом...

Тихая беседа с сыном...

А бывают шумные, интересные встречи в кругу друзей.

во время перекартять их, да п связи в экономической системе не так очевидны и примитивны, как в излюбленной детской игре. Но тем не менее...

В феврале нынешнего года на Онежском тракторном заводе остановился главный сборочный конвейер: из Лаптева не поступили стальные отливки, нужные для изготовления балансира ведущих и направляющих колес. Остановился конвейер — серьезное ЧП. Завод бормотал тестами свое министерство и лицевого контрагента. Ему даже не ответили.

На XXIV партийном съезде не раз было сказано, что надо укреплять, развивать и совершенствовать планирование. Насущные проблемы народного хозяйства требуют и эффективного включения системы экономических регуляторов, способных намного увеличить заинтересованность работников в результатах своего труда, привести к более производительной во всех отношениях деятельности.

Однако при любой степени точности отладки экономического механизма, так же как и при любой степе-

вывая внимание к предмету разговора: «Богатырь в бумажном пледу», «На бумаге я... на деле», «Бумажные барьеры», «Бумага лавина», «Только обещания», «Пока одних обещания», «Без веры в обещания» и т. д.

Я спрашиваю себя: что они означают, бесконечно повторяющиеся «барьеры» и «лавины»? Только ли неупорядоченность, разлаженность некоторых звеньев хозяйственного механизма или еще и привычку к этой неупорядоченности, к этой разлаженности? Привычку, породившую своеобразный

язык, начальники штаба народной дружины, председатель попечительского совета детдома, руководитель экономического семинара предприятия — здесь еще не все названо. Когда такой активист-общественник выполняет свою основную работу? Ту самую, за которую он получает зарплату? Нет, антиработа — это не сидение сложа руки, это пот. Симуляция деятельности тоже требует изобретательности и свежих идей. Выступите с инициативой, внесите предложение. Например, такое: «каждый день экономит одну минуту». Потом будут се-

ЕЩЕ О «ПРОЗЕ ПО ДИАГОНАЛИ»

О растущем канцелярском потоке я писал в статье «Проза по диагонали», опубликованной три с лишним года назад. «Литературной газетой», и получил в ответ от читателей интересные соображения и факты. Сейчас полезно вернуться к этой почте, чтобы сопоставить ее с новыми письмами: динамика процесса, пожалуй, тут особенно любопытна.

Динамика такова: бумаготворчество, судя по письмам, за три года не уменьшилось.

Разумеется, без деловой бумаги, как и делового общения, не обидешься, вряд ли кому-нибудь придет в голову дерзновенная идея запретить всю и всяческую служебную переписку. Это было бы усердие не по разуму. Некоторые читатели предлагают вполне здравые меры по рационализации переписки, сокращению ее объема, более широкому переходу к современным способам передачи и обработки информации. Они пишут в этой связи о тейлорах, перфокартах, ЭВМ, АСУ и прочем, а также о проблемах нормирования и стандартизации в делопроизводстве.

Все это, безусловно, важно, полезно и необходимо для упорядочения потока деловых бумаг. Однако наш разговор о другом — бумагах неделовых.

Тех, которые пишутся не ради работы, а вместо нее, как некий эквивалент дела. Такие бумаги похожи на изобретательскую ленту, обволакивающую автомобильский провод: ток бежит где-то под пальцами, но вы не чувствуете его, вы в безопасности. В данном случае между пальцами скользит работа: не прикасаясь к ней, человек не рискует обжечься делом.

Тележурналисты познакомили меня недавно с любопытным документом, прямо-таки классической иллюстрацией антиработы. Понадобилось снять небольшой телесюжет о том, как крупнейший, прославленный завод помогает селу. Договорились об этом с

директором по телефону, но оказалось, что нужно еще письмо. Что ж, принес ли и письмо. И вот какая удивительная «проза по диагонали» возникла на нем: «Тов. Мережкову С. Л. Прошу решить согласно договоренности. Горьковскому А. В. Разрешить. Мережкову С. Л. Тов. Сомову Н. К. тов. Чистякову А. С. Прошу принять корреспондентов телевидения и оказать содействие. Хованскому Г. И. тов. Лукевичу В. В. Не возмущайся. Прошу согласовать объект съемки. Сомов; Тов. Ромашову А. С. Организуйте согласно положению. Круглякову».

Судя по датам, сбор резолюций занял пять рабочих дней. Ну, да ладно, журналист сквозь стену пройдет, тысячу резолюций соберет (зачем они — другой вопрос), но ведь то же самое происходит и в обычной деловой жизни. Множество срочных вопросов затягивается, не решается, терпит остроту из-за того, что «тов. Кото» не собрал нужного числа виз. А с другой стороны взглянуть, вся эта внешне напряженная и кипучая деятельность столончатых, отсылающих бумаг друг другу, по сути своей есть чистейшая воды симуляция деятельности.

По просьбе тележурналистов я заменил фамилии (поскольку на этом заводе еще предстоит съемка), да и не в фамилиях дело — беда в стиле работы. Не сомневаюсь, что симуляция деятельности не доставляет никакой радости этим руководителям, все человеческие и творческие интересы которых целиком связаны с конструированием и промышленным выпуском современных машин. Пожалуй, они — «бюрократы поневоле», жертвы основательно укоренившейся, но дурной привычки, жертвы плохо продуманной структуры управления на предприятии, при которой рамки самостоятельности должностных лиц настолько узки, что для решения поставленного вопроса требуется множество согласований. Предоставьте кому-то одному из них право решать все, скажем, «телевыпросы», как кипучая антиработа тотчас же улетучится.

Я хочу этим сказать, что во многих, если не в подавляющем большинстве, случаях симуляция деятельности есть плод нечеткого, не научного управления — овладеть подлинно научными методами управления. «Меня, так же как и вас, беспокоит урон, наносимый производственному труду его непроизводительной «канцелярией», — пишет из Минска архитектор М. А. Петухов. — Распространилась практика многочисленных согласований с подписями, печатями на официальных бланках. Это ли не пример недоверия не только к отдельным лицам, но и к целым государственным организациям? Следствием стало бесконечное дублирование, растрата усилий согласователей, надежды на подкачку и «подправку», когда каждый боится, что на него «спихнут» вопрос. Некоторые ответственные работники превращаются в диспетчеров, которые с помощью виз лишь регистрируют происхождение бумаг по инстанциям».

«Пусть не покажется вам чересчур мрачным это письмо», — оговаривается автор. Понимаю: оно продиктовано заботой о благо. Всем ясно, что минский архитектор мог бы много интересного рассказать о хороших и полезных делах в своем городе. Но его глубокая тревога нездоровые явления в нашей деловой жизни: «Парадоксальная ситуация, когда отчет становится важнее работы, когда деятельность подменяется видимостью деятельности».

А вот другое письмо: «Смолodu я верил на слово, как же не верить? Раз договорились, обещали, значит, думал, так и будет сделано. Но сам поступал так же. Но постепенно жизнь меня привела к тому, что слово к делу не подешель, что бумажек куда больше, чем слову». Грустное признание...

Люди, вовсе не схожие друг с другом, нередко обнаруживают поразительно сходные манеры поведения на службе. Манеры эти («спихотехника», «отфутболивание» и прочее) тоже являются в машиностроении и пенсионном деле, торговле и строительстве...

Лично у меня нет сомнения в однородности их происхождения: они порождаются во многом недостатками в управлении хозяйством, о которых шла речь на XXIV съезде КПСС, поставившем задачу — овладеть подлинно научными методами управления.

Пожалуй, однако, что ныне из нас не прочь подожать благословенного времени, когда научное управление, пронизав собой все звенья хозяйства, все его цехи и служебные кабинеты, автоматически начнет культуру делового поведения. А мы тем временем будем потихонечку засады, строить бумажники, откладывать «спихотехнику»...

«Подмена работы ее видимостью является продуктом скверной привычки ходить на поводу», — пишет москвич Ф. Жуков. — Иные служебные люди уже ничего не хотят делать без разрешения (неприменно письменного) вышестоящих инстанций. В такой ситуации трудно даже определить, кто несет ответственность за провал в работе — все держат в руках «скупую визу» Бумажку-разрешение или бумажку-запрещение. Есть немало работников, которые это вполне устраивает. Они вовсе не желают нести ответственность. Надо решительно освободиться от таких людей».

Автор прав: некоторые успели уже сделать из неудобной привычки «ходить на поводу» вполне удобный мягкий диван с подушками.

Вспомним еще раз суть поворота (поворота — именно так!), которого потребовал XXIV съезд партии: к высокой эффективности всего нашего хозяйства. Чтобы решить эту задачу, надо засучить рукава и работать. Сознательно не ставлю к слову «работа» никаких эпитетов: много, хорошо, вдохновенно, производительно, напряженно, самоотверженно и т. д. Просто работай! Просто...

Все истинно великое просто. Работа — великое, она говорит сама за себя.

ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(Деловитость?) Конвейер встал — лесозаготовители не получили столь нужных им 150 мощных машин. Кто-то не получил леса... Что не сделали из этого недополученного леса? Костяшки начали валить друг друга...

Одна из них, возможно, не от этой, а от какой-то другой падающей цепи, ударила по только что построенной крупной коверной фабрике в Дмитровской области. Новый корпус был законсервирован из-за отсутствия станков.

Газета «Известия» констатирует: «Фабрика, возведенная на замке, могла бы ежедневно давать продукцию на 150—200 тысяч рублей».

Могла бы Костяшка, падая, саданула прямо по покупателю — любитель ковра. Покупатель, правда, у нас привык ко всяким переплатам и, пожалуй, обойдется без ковра... Но куда, спросим мы, не попали недозволенные торговлей деньги за некупленные нами ковры? Десяти тысяч рублей ежедневно?

ни точности планирования, проблема деловитости остается самостоятельной проблемой. И именно потому партия остро ставит вопрос о повышении ответственности каждого за порученное ему дело, о строжайшем соблюдении государственной дисциплины.

АНТИРАБОТА

Антиделовитость становится преградой на пути наших самых хороших замыслов. Никан не можем окончательно распорядиться с дурной привычкой принимать голого короля за одетого: псевдороботу называть работой, видимостью результата — результатом, симуляцией деятельности — деятельностью.

Вы полагаете, я преувеличиваю?

Журналистов справедливо ругают за однообразие в названиях статей. Однообразие присутствует и в том перечне заголовков из центральных газет, который я сейчас приведу. Но в данном случае оно сослужит нам добрую службу, при-

тип «антиделовых людей» и «антиделовых отношений»? Ту манеру служебного поведения, которую иначе, как симуляцией деятельности (вольной или невольной), не назовешь?

Антиработа многолика. Едва ли не самый излюбленный ее облик — «активность». Если вы станете халатно за столом,ковырять в носу или ловить мух, люди покажут на вас пальцем. Но если вы одновременно возьмете сразу за семь дел, вас будут почитать, хвалить, ставить в пример, хотя можно заведомо утверждать, что ни одного из этих семи дел вы не делаете — всюду лишь числитесь.

Я приведу сведения из социологического опроса тех же семидесяти директоров предприятий. Выяснилось, что пятеро из них имеют по шесть постоянных общественных обязанностей, шестеро — по пятнадцать человек — по четыре, шестнадцать — по три. Вот обязанности одного из директоров: член исполкома горсовета, член президиума обкома профсо-

юзов, начальник штаба народной дружины, председатель попечительского совета детдома, руководитель экономического семинара предприятия — здесь еще не все названо. Когда такой активист-общественник выполняет свою основную работу? Ту самую, за которую он получает зарплату? Нет, антиработа — это не сидение сложа руки, это пот. Симуляция деятельности тоже требует изобретательности и свежих идей. Выступите с инициативой, внесите предложение. Например, такое: «каждый день экономит одну минуту». Потом будут се-

риш многочасовых совещаний в поддержку вашей инициативы. Рейды по проверке хода поддержки. Проверять, разумеется, буд-дуть в рабочее время, поскольку речь идет о весьма важном деле — экономии целой минуты!

Иппенер вычислительно центра с увлечением рассказывает мне об интересной стеллажной, которую они у себя выпускают трижды в неделю. Члены редколлегии вместе обсуждают заметки, правят их, клеят. Все это происходит — само собой разумеется — в служебные часы. Основная тема заметки — «Вечер машинного времени». Ни из каких копеечек, раз, вероятно, невозможно подсчитать всей суммы расходов на антиработу. Дело даже не в зарплате, во всяком случае — не в ней одной. Как измерить суммарный ущерб (экономический и нравственный)? Он пусторожний болтовни? Сколько стоит дефляция слова делового человека? А бумаготворчество — как определить весь ущерб от него?

Анна Николаевна — представила, она, вложившая в мою руку, и я тут же подумал, до чего не идет солидное отчество к ее юному лицу и тоненькой стройной фигурке. Но рукопожатие было мужским, и угловатость тоже мужская.

И еще — непреклонность, с которой она принимала решения, а потом держалась за них. Девочкой она полюбила — безоглядно и сильно, презрев условности и запреты. Парень оказался «не тем» — забрал про свои обещания, про планы, что строил вместе. И даже про сына. И она отрезала — раз и навсегда — свою любовь, оставив родительский дом, а заставив на себя все бремя забот о ребенке. Одна растила его, одна добывала средства для жизни и при этом сумела заочно окончить педагогический вуз — на один пятерки.

Она терпеть не могла нытиков, ищущих оправдания ошибкам и промахам в превращении судьбы, выпавшей на их долю. Когда родители ее не одобряли, она была недовольна, но не жаловалась на «объективные причины», с которыми будто бы родилась вина, она заставляла отвергала их объяснения, противопоставляя им — пусть не вступ, пусть только про себя — свой личный пример.

И верно, жизнь мотала ее, но она не поддавалась. И мальчишески мотала — что надо: учился неплохо, мастерил, охотился до чужих, дома помогал безотказно. Сын был не просто ее гордостью, ее счастьем — оправдание тех жертв, которые она принесла, награда за незадавшуюся, кособокою жизнью. И не знала она, какая «награда» в действительности ее ждет...

Позвалили из милиции: «Сына домой не ждите, он арестован...» Преступление было грязным, постыдным, в нем участвовало семь человек — ни одного из «общников» она толком не знала. Все, что угодно, могла допустить, но это!

И снова она проявила решительность: сразу после того, как был вынесен приговор, подала заявление об уходе с работы. Лучшая учительница, гордость школы. Посреди учебного года... Ее уговаривали, вставляли к логике, к совести, к здравому смыслу, но она была непреклонна: тот, кто не смог воспитать своего ребенка, не вправе воспитывать чужих. Так рассуждала она, и все просьбы, увещания и аргументы разбивались об этот довод, как о гранитную стену.

Мысль поначалу казалась верной, но чем больше думала о ней, тем больше сомнений она вызывала. Разве есть прямая, упрощенная связь между воспитанием «своих» и «чужих»? Разве даже большим педагогам так уж часто

удавалось проявить воспитательское искусство в лоне собственной семьи? Сколько мыслителей и сердец делов, у которых учился жить, не одно поколение, были сами несчастны, не умевшие обратиться к себе, золотые «рецепты», щедро отданные другим. И разве не влияет на ребенка — как должное, ежеминутно — множество разнообразнейших факторов: школа, среда, «улицы», товарищи и соседи, увлечения и порывы, прочитанное и увиденное, индивидуальный характер, наследственный код, заложенный в комбинации генов? Разве может все это быть сведено к упрощенной схеме «родитель — ребенок»?

Помню долгий, мучительный наш разговор: я приводил все эти доводы, Анна Николаевна соглашалась. Соглашалась, но была непреклонна. Ее жесточайшие, непомерные высокие требования к себе не могли не вызывать глубокого понимания и сочувствия. Мне подумалось тогда: если бы каждый педагог, да и каждый родитель, с такой же беспощадностью казнил себя за поступки детей, создавалась бы, наверное, та нравственная атмосфера, при которой многие из этих поступков попросту не были бы совершены.

Прекрасной учительницы — умной, тонкой, бесконечно преданной детям, высокому своему искусству — не стало. Не вернулось в школу, работавшую библиотекарем, отлично работавшую, но не на своем месте.

Я давно собирался рассказать об этой истории, поразмышлять над тем, какова же мера вины и ответственности родителей за поступки детей, но все откладывалось... И вот несколько читательских писем повели меня к этому рассказу, который заставил вспомнить ту давнюю историю и вернуться к теме, ничуть не утраченной своей остротой.

О том, что поступило О причине драмы, писать подробно не буду: шестеро молодых «проникателей жизни» за насилье и другие циничные преступления осуждены, приговор подтвержден Верховным судом республики, наказание определено суровое, отбывать его еще долго и долго. Не о преступлении, не о наказании сейчас речь.

Двое из осужденных — родные братья, один — врач, другой — не состоявшийся студент, и оба — дети видного ученого, профессора медицинского института.

Профессор Ц. сидит перед мной, опустив глаза: ему трудно выдержать взгляд постороннего человека — наверное, как и Анна Николаевна, он видит в нем некой вопрос: «Как же это вы оплошали, дорогой педа-

гог?». Профессор болен, он давно уже болен — старые военные раны тридцать лет напоминают о себе, но не раны сейчас сломили его, нет, не раны — трагедия, обрушившаяся на него. И на детей: как бы ни был он возмущен гнусностью их преступлений, это его дети, его несбыточные надежды, его боль.

Он сидит — высохший, изможденный, неуклюже обвязанный шерстяными

Здесь, на одной и той же кафедре, он трудился двадцать восемь лет. Двадцать восемь лет — огромный пласт человеческой жизни. Давным-давно стали врачом, и воспитателями воспитателей его студенты. И сам он рос вместе с ними: был ординатором, аспирантом, ассистентом. Защищал кандидатскую диссертацию, потом докторскую. Стал доцентом, профессором, за-

в одну-единственную причину, закрывавшую глаза на все остальные, на многообразный и сложный их комплекс, и выискивая только то, что будто бы подтверждает желанную версию.

По делу Бориса и Сергея Ц. проведены экспертизы, редчайшие в судебной практике: физико-математическая и филологическая. К самому делу — и там, когда называют «подследст-

принять его, ни отвергнуть я не могу. Принимаю как мнение — и только. Ну, так что же, обнаружена взятка? Или подлог? Или, может, небрежность, за которую кто-то понес наказание? Нет, ни взятка, ни подлог не устанавливаются. А наказание, оказывается, должен нести отец: его имя, говорят, магически действовало на экзаменаторов, и они якобы завышали оценки.

чен к ответственности? Не потому ли, что им нечего вменить в вину?

Завышение оценок с помощью магии своего имени — далеко не весь крикуньял, который выискивается за отцом. Установлено, например, что однажды, возвращаясь с банкета, он вышел из такси изрядно под хмельком... Другой раз по ошибке он вроде бы постучался в чужую квартиру... Об этом говорили негодующие жильцы на собрании, где обсуждалось поведение Бориса и Сергея. Жильцы тоже решили, что учить студентов профессор больше не вправе.

Ну, разве это справедливо, разве этично — спустя годы припомнить человеку все оплошности, слабости и грешки, с упоением и пристрастием выискивая их в его прошлом?

И все же, и все же... Что бы там ни было, от моральной ответственности отцу никак не уйти, и нести ему ее через всю жизнь. Но зачем же и подлинной вине приписывать еще и другую, искусственную, соединяя в общую цепь вещи несоединимые? Только для того, чтобы счесть, что из насумевшей истории сделаны выводы и приняты надлежащие меры?

Что это, в сущности, значит — принять надлежащие меры? Всегда ли непременно — уволить, осудить, дать выговор, издать грозный приказ? Преступление, совершенное сыном Анны Николаевны,

тоже вывало к «принятию мер», и они были приняты ею самой — безжалостно и беспощадно.

Не уход с работы в действительности был этой мерой, а жестокие осуждения, которому она себя подвергла. Голосом совести. Непреходящим чувством вины. Стыдом перед окружающими. Это и есть та моральная ответственность, которая неизбежно должна следовать за моральной виной. Ответственность, наступающая не по приказу номер такой-то, а по приказу души.

«Приказом души» профессор Ц. подверг себя казни, которая не под силу даже самым крутым «корректарам». Не за то, что когда-то выпил на чьем-то банкете, а за то, что его взорослые дети перечеркнули все, к чему он их вел, бросили черную тень на его доброе имя. Весь город уже знает о его беде и позоре, и я не могу себе представить наказание строже, более и тяжче.

Неужели же это еще не все? Неужели его надо называть снова, лишая любимой работы, которой он отдал годы и годы, в которую вложил себя без остатка? Выигрывает ли от этого институт? Медицина? Студенты? Каждый из нас?

Убежден: никому это не нужно — ни обществу, ни науке, ни высшей школе. Ни справедливости, наконец, которая всегда выше всего.

Аркадий
РОЗАНОВ

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ...

ОЧЕРК
НРАВОВ

платками, одинокий в своей опустевшей квартире, и, если бы он знал о моем приходе, я мог бы подумать, что все это неспроста, «вызвать слезу». Но он не знал, я являлся неожиданно, без письма, без звонка — как раз для того, чтобы лишить нашу встречу какой-либо нарочитости.

Профессор виновен в «падении» своих детей и за их преступления должен нести ответ. Так решил следователь — ректор и даже министр здравоохранения РСФСР он сделал представление о плохом воспитании своих сыновей Бориса и Сергея профессором Ц.

Он решил суд — он вынес частное определение о том же самом. Так решил ректорат — он считает, что Ц. не может больше преподавать, что он «по моральным соображениям» больше не соответствует своей должности, и только болезнью профессора, эта чисто процедурная похвала, пока лишила возможности Ученой совет обложить предпринятый «приговор» в надлежащую форму.

Мне хочется понять, кто же он сам, этот человек, на которого разом выпало столько несчастий, с чем пришел он к дню своего позора. Его торопливый, невнятный рассказ мало что проясняет, но бумаги — их целая куча — помогают «решить» человека, целиком посвятившего себя одному делу, одной страсти, последовательно и целеустремленно поднимавшего по крутому склону науки.

Участник Отечественной войны, он сражался на Калининском, Брянском и Прибалтийском фронтах, был ранен, стал инвалидом, но армией не покинул, остался воином до победы. Военные ордена и медали — свидетельства его солдатского мужества.

А потом — институт.

ведущими кафедрой. Опубликовал десятки научных работ. Вылечил сотни, а может быть, тысячи больных. Участвовал в ликвидации опасных эпидемических очагов. Наконец, был назначен главным инфекционистом своего края.

И вот теперь, пятидесяти шести лет от роду, ему придется начинать жизнь с нуля! Менее всего я склонен думать, что заслуги, сколь бы значительны они ни были, могут служить индульгенцией виновному человеку. Профессор медицинского вуза воспитывает молодежь, он не может не быть специалистом, чей долг — врачевать не только раны физические, но еще и душевные, нести людям добро, чистоту, бескорыстие. Ему доверены большие социальные ценности, и, естественно, предполагается, что он может служить образцом для других.

Как же оправдал профессор Ц. то доверие, которое оказало ему общество? Учил ли он студентов плохому? Влиял ли дурно на них своим личным примером? Ничуть не бывало: к нему нет никаких претензий. Еще несколько месяцев назад руководители института подписали документ, из которого видно, что вся педагогическая работа профессора — проходила на высоком идеальном уровне. Таких документов в его личном деле немало, и ни одна, буквально ни одна строчка, не бросает на него лично даже самую малую тень.

Тогда в чем же именно он провинился?

Поразительно упорство, с которым следователь, занимавшийся делом его сыновей, искал зримую связь между их преступлением и «пагубным влиянием» отца, исходя из сомнительной мудрости о «яблоке, падающем недалеко от яблони». Так бывает: уверовав

венными», — эти экспертизы ни малейшего отношения не имеют. Но имеют — к профессору...

Оба брата учились в институте, где преподавал их отец. Следователю заподозрился, что сыновья поступили в институт не без участия папы. Из архива были извлечены письменные работы на вступительных экзаменах семилетней давности. Эксперты решили, что за работы, оцененные четверкой, надо было поставить двойки. Это мнение не подвержено судебной проверке, и, таким образом, ни

Между тем в институте учились и дети других профессоров, чьи имена не менее «громки». И это можно только приветствовать: создание врачебных династий — дело нужное, благородное, его поощряли и, наверное, будут поощрять. Почему не проверено, однако, точны ли оценки на вступительных экзаменах других абитуриентов из преподавательских семей? Не потому ли, что эти абитуриенты впоследствии не преступили закон? И почему никто из экзаменаторов не прива-

Фото Д. ФАСТОВСКОГО

ЭТЮДЫ

В словаре термины изобразительного искусства этюдом называется «произведение вспомогательного характера и ограниченного размера, выполненное целиком с натуры ради тщательного ее изучения». Реалистический этюд, подчеркивается далее, может временами ставить и относительно самостоятельные конкретные задачи, но конечной целью этюдовой работы в целом всегда остается создание картин. И еще: технические средства этюда очень многообразны...

Все эти замечания, как нам представляется, применимы и к этюдам литературным.

Итак, новая рубрика: ЭТЮДЫ. Наряду с обстоятельными статьями и очерками, содержащими обстоятельный анализ явлений жизни и подробную аргументацию, мы предполагаем время от времени печатать на страницах «ЛГ» и «моментальные снимки» с действительности, зарисовки с натуры. Первые встречи, первые впечатления, первая «удаленка» (когда увиденное или услышанное еще не отстоялось). Этюд литературный, конечно же, предполагает и многообразие технических средств: страничка из записной книжки или дневника, этюд-очерк, этюд-эссе, этюд-рецензия...

Опытов в этом жанре мы ждем и от писателей, и от журналистов, и от читателей всех иных родов занятий. Открывает рубрику писательница Виктория Токарева.

ГОДА четыре назад я написала для «Литературной газеты» статью под рубрикой «Он и Она». Статью опубликовали, я успела об этом забыть, когда в моей квартире раздался телефонный звонок и женский голос потребовал меня к телефону.

— Это я, — призналась я. — Можно я и вам пишу? — А зачем? — спросила, хотя то было не очень вежливо.

— Посоветоваться о жизни. — А почему вы хотите посоветоваться именно со мной? — удивилась я.

Я прочитала вашу статью, вы мне больше всего подошли.

Я рассердилась от такого наглого доверия.

— Простите, а кто вы?

— Лида, — представилась незнакомка.

Имя мало определяет человека. Его определяют возраст и профессия.

— Простите, сколько вам лет?

— Сороч.

— А где вы работаете?

— На оживленной базе. — Теперь образ Лида представляется более объемным. — Не знаю, смогу ли я быть вам полезной, — честно предупредила я.

— А мне не надо пользы. Мне просто посоветоваться. И все.

— Хорошо. Я вас жду. Я продиктовала адрес и пожелала трубку. Положила трубку, я пожала плечами, хотя видела, что Лида не могла.

Отвратилась дверь, и вошла моя шестилетняя дочь.

— Ты умеешь делать так? — спросила она и засмеялась, заводя одну ногу за другую. Такие «па» в балете называются «веревочка».

— Умею, — задумчиво сказала я, продолжая думать о Лиде. Мне не жаль было своего времени, а жаль напрасных Лидных надежд.

— Показки.

Я хотела отказаться, но тогда дочь очень удивилась бы и спросила «почему?», и тогда мне пришлось бы объяснить, что взрослые люди откажутся

Виктория ТОКАРЕВА

«ИЗВИНЮСЬ. НЕ РАССТРЕЛЯЮТ»

— Проходите, — пригласила я. — Раздевайтесь, пожалуйста.

Лида сняла пальто, туфли и осталась в шапке. Я достала ей тапки, она их не надела.

Мы прошли в комнату. Я предложила Лиде сесть на диван. Она села на самый краешек, и я видела, что сидеть ей неудобно.

Она была смущена тем, что физически существует в моих стенах, и поэтому старалась, чтобы ее было как можно меньше.

— Хотите чаю? — предложила я.

— Нет, нет... — перепугалась Лида.

Она смущалась так, что не могла поднять глаз. Ее смущение передавалось мне, мы сидели в каком-то гирнолическом оцепенении, и у меня через минуту заболела голова.

— Я вас слушаю, — сказала я, с сострадающим взглядом на свою гостью. Я готова была помочь ей в чем угодно, чего бы она от меня ни потребовала.

— Я на базе работаю... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит: «Спишем».

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, как снова поковыряла голову, как

нужно было работать... — начала Лида. — К нам помидоры привезли.

Я задумчиво поковыряла голову, как сапог. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, безвкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я ненавижу еду, смотрю, и не могу есть. Приходи к Поткин, говори: «Поткин, ты товарищ!» А он говорит

«ДИПЛОМАТИЯ УЛЫБОК»

1973 год представляется некоторым западным журналистам «годом открытий дверей Китая». Они находят страну «более общительной, открытой, гостеприимной».

Именно так недавно характеризовал КНР корреспондент агентства Франс Пресс Рене Флипо, вернувшийся туда спустя пять лет.

Пекин действительно не широко рекламирует свое «гостеприимство». «Дипломатия улыбок», знаменующая поворот к широкому развитию связей с капиталистическим миром, набирает силу. Упрощены таможенные формальности в аэропортах Пекина, Шанхая и Гуанчжоу. К услугам быстро растущей, главным образом за счет дипломатов и бизнесменов Западной иностранной колонии — довольно обширный по нынешним пекинским масштабам парк японских легковых такси; новый международный клуб с теплыми комнатами и кельями; начальная школа «Благодетельный луг» под громким девизом «Служить прогрессу человечества», где преподавание ведется на английском и французском языках; четырехэтажный торговый центр...

Стремясь проследить «гостеприимный» в глазах западных коммюнистов, китайские власти пересматривают географию их поездок по стране, объекты посещения. Наряду с образцово-показательными заводами, учебными заведениями и коммунальными предприятиями стали показывать стрелковые дивизии НОАК. А примерно с прошлого года началось санкционированное паломничество иностранцев в подземный город в самом центре Пекина.

Напрашивается вопрос: чем, собственно, вызвано растительное красноречие для тех, кого сравнивают с маоистами? Недавно маоисты называли «заморскими дьяволами»?

Тут, думаешь, явственно проглядывает стремление пекинских лидеров доказать широким слоям населения Китая правильность так называемой «дипломатической линии» Мао Цзэ-дуня, отвлечь внимание своего народа от переживаемых трудностей, подкрепить старый, амбициозный тезис о том, что «Поднебесная дружба повсюду».

Не менее важно стремление Мао Цзэ-дуня ввести в заблуждение мировую общественность относительно подлинного характера происходящих в Китае событий, представить в выгодном свете диктатуру военно-бюрократической группировки Мао.

Желание выдать «рыбий глаз за жемчужину» — закамуфлировать провалы во внутренней политике и оправдать продолжающийся милитаристский психоз — столь велико, что ради этого не жалуют времени ни премьер Чжоу Энь-лай, ни другие высокопоставленные должностные лица. Они раздают направо и налево интервью иностранным представителям, стараются обработать каждого прежде всего в антисоветском духе. Особенно много занимаются Пекин соотечественниками за рубежом, в частности американскими китайцами, которых рассматривают как поставщиков современной пропаганды и пропагандистов «идей Мао Цзэ-дуня».

на». Расчет прост: авось, кто-нибудь из гостей подхватит в знак признательности за беседу на таком высоком уровне версию о «миролюбии» китайских лидеров, прилунит в своих статьях и отчетах политику и практику маоизма.

Нельзя сказать, чтобы посевы Пекина не приносили всходов. Вспомним Джозефа Олсона, развешивавшего в «карских условиях» по Китаю. Ему, как он сам признавался, позволялось «задавать вопросы по четырнадцать часов в день в течение целого месяца». Олсон, зная, зачем его пустили, лез потом из кожи вон, повторяя пекинские байки о минимуме «угрозы с севера», о «сосредоточении миллионов советских армий вдоль китайской границы» и о несуществующих

цих и кинофильмы по науке и технике. Вспоминают о выходе некоторых специальных журналов, вроде «Акта физика сия», и даже разговорника иностранных языков, где имеются разделы «Автомобиль», «Медицина», «Весы и меры».

Каково же действительное положение в области научно-технического прогресса в Китае? Коснемся невоенных отраслей промышленности. Многие из того, что обычно включают в понятие «научно-технический прогресс», здесь освоено в опытно-поисковом порядке и не выведено в серийное производство. Только построенные с помощью Советского Союза гиганты типа Уханьского металлургического комбината, Лоянского транспортного и Чанчуньского автомобильного заво-

дое даже по нынешним международным стандартам являются крупными современными промышленными базами. На остальных предприятиях, по выражению зарубежной прессы, — «петь ремесленнического мушкетерства». Там установлено оборудование, импортированное еще в начале века. Как свидетельствуют очевидцы, можно иногда увидеть в заводских цехах и фабриках одну-единственную автоматическую поточную линию.

Аналогичное положение в деревне, где проживает 80—85 процентов населения и где на полях редкие гости — простейшие тракторы и нососы для ирригации. Здесь, как и в годы «большого скачка», в почве «массовые движения»: десятки миллионов крестьян без канало бы то ни было специального оборудования, вручную строят каналы, большие и малые, доставляют на себе воду в горы, переносят туда землю в корзинах. На этих работах был занят каждый четвертый труженник провинции Тайвань и Дунхой, каждый пятый Хунани. Всего по данным китайской печати, в создании гидромелиоративных сооружений участвовало свыше 90 миллионов человек.

Транспорт в загоме. Страна имеет всего два соображенных моста через Янцзы. На железных дорогах электричества не встретишь электровозов и тепловозов. Гражданский воздушный флот насчитывает 400—500 самолетов. Речной флот состоит из устаревших судов, в большинстве своем — джонки. Но поистине гнетущее впечатление производят сельские дороги, где и сегодня всюду длинные вереницы людей, в том числе женщин и детей, впряженных, подобно скоту, в повозки, груженные железобетонными и цементными плитами, мешками с продуктами, «Беском» и прочими. «Беском» — название двухколесных телег, которые ежедневно тащатся из городов, показывая, насколько Китай еще далек от модернизации. Именно эти двухколесные телеги, а не грузовики, которые обслуживают Кантон, Шан-

хай и Пекин, отражают китайскую реальность», — указывал один из американских историков, посетивший недавно КНР.

Научно-технический прогресс неминуемо требует огромного подъема образования, науки и культуры. Но Китай и по сей день ощущает острую нехватку квалифицированных кадров. Эта проблема усугубляется еще и тем, что значительная часть специалистов не спешит активно включиться в работу, памятуя о провозглашенной не столь давно хунвейбианами «бесполезности знания».

По оценкам специалистов, неграмотные в Китае составляют добрую половину населения. Начальные школы посещают лишь две трети детей, неполные средние — и того меньше. Сельская молодежь практически

Сейчас 18 процентов всей электроэнергии вырабатывается небольшими электростанциями уездного и коммунального уровня, 60, 50 и 40 процентов тутовых удобрений, синтетического аммиака и цемента приходится на долю местных крохотных химических и цементных предприятий.

ПОЧЕМУ ВРАЧИ

ХУЖЕ «БОСОНОГИХ»

ЗНАХАРЕЙ...

Третья спекуляция западных доброжелателей — «забота» Мао Цзэ-дуня о китайском народе и использование для этого достижений науки и техники — также не соответствует действительности. Многочисленные факты показывают, что группа Мао все в большей степени поднимает над народом хозяйство страны, отнюдь не создавая материально-технической базы социализма и повышению материального и культурного уровня трудящихся. Ориентиром пекинских лидеров совершенно иные: создание неосуществленной своей великой державной политики, задача максимального наращива-

массовой безработицы. Но и такой «доход» не выдерживает критики, как это показала практика первых восьми лет КНР, когда в стране, при содействии СССР и других социалистических стран, велось планомерное, пропорциональное развитие всех отраслей экономики.

Подоплека словесных изощрений маоистов вполне очевидна. В планах Мао Цзэ-дуня и его окружения — не повышение реального жизненного и культурного уровня населения в отдельности, не увеличение ассигнований на строительство жилья, школ и больниц, кинотеатров и клубов, не использование мирной энергии атома для производства материальных благ. В их представлении народ — это некий «чистый лист бумаги», на котором «можно» писать самые новые, самые красивые слова, можно рисовать самые новые, самые красивые картины, человек — это робот, объект для всевозможных экспериментов. В противном случае стали бы бросать миллионы людей на бессмысленное строительство карликовых доменных печей, на слепое разрушение памятников культуры, на бесцельное рытье окопов и убежищ? Как совместить научно-технический прогресс, предполагающий рост общеобразовательного и культурного уровня людей, с нигилистским отношением Мао Цзэ-дуня к образованию и культуре? И притом если, по словам Мао, только «бедность» заставляет стремиться к переменам, то не служит ли прогресс науки и техники по такой логике тормозом?

А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ

Существенное повышение роли науки и техники в народном хозяйстве представляет для Китая сложнейшую задачу. Решение ее требует крупномасштабных экономических, организационных и технических мероприятий, усиления научно-технических связей со всеми промышленными государствами, в первую очередь со странами социалистического мира. Однако проведенный недавно в тайне, на скорую руку, X съезд, как подчеркивается в прогрессивной зарубежной печати, с его неистовым антикоммунизмом и милитаризмом не принес с собой никаких конструктивных решений экономических проблем, стоящих перед КНР.

Тем более беспочвенны разговоры буржуазных авторов о каком-то «открытии китайского общества», «ренессансе» и научно-техническом прогрессе в Китае. Давая оценку состоянию науки и техники в Китае, истинные его друзья с сожалением констатируют, что достигнутый страной прогресс связан прежде всего с военно-промышленным потенциалом и направлен исключительно на обслуживание гегемонистских целей правящей верхушки.

Использование научно-технического прогресса в интересах повышения благосостояния китайского народа умышленно сдерживается политикой Мао Цзэ-дуня, отбрасывающего общество своим волюнтаристским «скачками» на многие годы назад. Попытка сделать беславу «культурную революцию» нормой жизни Китая, о чем, в частности, шла речь на X съезде КПК, сулит труженникам этой огромной страны не менее мрачные перспективы.

Около 400 студентов Сеульского университета приняли участие в демонстрации под лозунгами борьбы против подавления демократических свобод. На снимке: южнокорейские полицейские в форме и в штатском разгоняют демонстрацию. Фото из американской газеты «Дейли уорлд»

Эти три негритянских юноши в одном из лондонских этнографических музеев — комната не отапливается. «Положение молодых негров в Англии стало одной из самых острых социальных проблем этой страны», — признает буржуазный журнал «Санди таймс мэгэзин».

В этом году нехватка засуха поразила целый ряд стран Африки, вызывая жестокий голод. Этот снимок (из журнала «Жен Африка») сделан в Маверитии. Несчастная женщина ищет на дороге рассыпанные кем-то зерна.

КИТАЙ СЕГОДНЯ: ВИДИМОСТЬ

К. ЮРЬЕВ

ПЕРЕМЕН

«Планах советского превентивного ядерного удара» по КНР. В одной из статей он даже решил слово «Китай» перевести не как «среднее государство», что, по его мнению, «слабо и неточно», а как «центр мира».

Анализируя происшедшие изменения, кое-кто из западных обозревателей спешит с далеко идущими выводами. Страна, по их утверждениям, широко распахнула свои двери, а раз так, то китайское общество если еще не стало, то становится открытым.

Буржуазные авторы, следящие такой вывод, искажают истину. Верно, что поток «важных гостей» хлынул в Китай, но его направляло в строго отведенное русло. Скорость его тщательно регулируется. Программа, предписанная визитерам, разработана до автоматизма. В зависимости от категории (лояльных корреспондент, нужный коммюнист, перспективный политический деятель, активист пропенкинской партии, влиятельный соотечественник из Гонконга или Сингапура и т. д. и т. п.) определяется маршрут, его продолжительность и продолжительность. Но главное не в этом. Подлинное общение между рядовыми китайцами и иностранцами, по существу, так и не было. Все они отделены от иностранцев «великой стеной» изоляционизма.

«РЕНЕССАНС»

ПО-МАОИСТСКИ

Второй вывод, который делают западные обозреватели в Пекине: Китай вернулся на нормальные рельсы экономического развития и постепенно приобретает черты научно-технического прогресса. В качестве подтверждения ссылаются, в частности, на факт участия трех физиков из Пекина в работе Международной конференции по проблемам физики частиц высоких энергий, на многообразие экспонатов гуанчжоуской ярмарки экспортных товаров, традиционную обслуживающую бизнесменов капиталистических стран, на лен-

дое даже по нынешним международным стандартам являются крупными современными промышленными базами. На остальных предприятиях, по выражению зарубежной прессы, — «петь ремесленнического мушкетерства». Там установлено оборудование, импортированное еще в начале века. Как свидетельствуют очевидцы, можно иногда увидеть в заводских цехах и фабриках одну-единственную автоматическую поточную линию.

Аналогичное положение в деревне, где проживает 80—85 процентов населения и где на полях редкие гости — простейшие тракторы и нососы для ирригации. Здесь, как и в годы «большого скачка», в почве «массовые движения»: десятки миллионов крестьян без канало бы то ни было специального оборудования, вручную строят каналы, большие и малые, доставляют на себе воду в горы, переносят туда землю в корзинах. На этих работах был занят каждый четвертый труженник провинции Тайвань и Дунхой, каждый пятый Хунани. Всего по данным китайской печати, в создании гидромелиоративных сооружений участвовало свыше 90 миллионов человек.

Транспорт в загоме. Страна имеет всего два соображенных моста через Янцзы. На железных дорогах электричества не встретишь электровозов и тепловозов. Гражданский воздушный флот насчитывает 400—500 самолетов. Речной флот состоит из устаревших судов, в большинстве своем — джонки. Но поистине гнетущее впечатление производят сельские дороги, где и сегодня всюду длинные вереницы людей, в том числе женщин и детей, впряженных, подобно скоту, в повозки, груженные железобетонными и цементными плитами, мешками с продуктами, «Беском» и прочими. «Беском» — название двухколесных телег, которые ежедневно тащатся из городов, показывая, насколько Китай еще далек от модернизации. Именно эти двухколесные телеги, а не грузовики, которые обслуживают Кантон, Шан-

хай и Пекин, отражают китайскую реальность», — указывал один из американских историков, посетивший недавно КНР.

Научно-технический прогресс неминуемо требует огромного подъема образования, науки и культуры. Но Китай и по сей день ощущает острую нехватку квалифицированных кадров. Эта проблема усугубляется еще и тем, что значительная часть специалистов не спешит активно включиться в работу, памятуя о провозглашенной не столь давно хунвейбианами «бесполезности знания».

По оценкам специалистов, неграмотные в Китае составляют добрую половину населения. Начальные школы посещают лишь две трети детей, неполные средние — и того меньше. Сельская молодежь практически

Сейчас 18 процентов всей электроэнергии вырабатывается небольшими электростанциями уездного и коммунального уровня, 60, 50 и 40 процентов тутовых удобрений, синтетического аммиака и цемента приходится на долю местных крохотных химических и цементных предприятий.

Подоплека словесных изощрений маоистов вполне очевидна. В планах Мао Цзэ-дуня и его окружения — не повышение реального жизненного и культурного уровня населения в отдельности, не увеличение ассигнований на строительство жилья, школ и больниц, кинотеатров и клубов, не использование мирной энергии атома для производства материальных благ. В их представлении народ — это некий «чистый лист бумаги», на котором «можно» писать самые новые, самые красивые слова, можно рисовать самые новые, самые красивые картины, человек — это робот, объект для всевозможных экспериментов. В противном случае стали бы бросать миллионы людей на бессмысленное строительство карликовых доменных печей, на слепое разрушение памятников культуры, на бесцельное рытье окопов и убежищ? Как совместить научно-технический прогресс, предполагающий рост общеобразовательного и культурного уровня людей, с нигилистским отношением Мао Цзэ-дуня к образованию и культуре? И притом если, по словам Мао, только «бедность» заставляет стремиться к переменам, то не служит ли прогресс науки и техники по такой логике тормозом?

Существенное повышение роли науки и техники в народном хозяйстве представляет для Китая сложнейшую задачу. Решение ее требует крупномасштабных экономических, организационных и технических мероприятий, усиления научно-технических связей со всеми промышленными государствами, в первую очередь со странами социалистического мира. Однако проведенный недавно в тайне, на скорую руку, X съезд, как подчеркивается в прогрессивной зарубежной печати, с его неистовым антикоммунизмом и милитаризмом не принес с собой никаких конструктивных решений экономических проблем, стоящих перед КНР.

Тем более беспочвенны разговоры буржуазных авторов о каком-то «открытии китайского общества», «ренессансе» и научно-техническом прогрессе в Китае. Давая оценку состоянию науки и техники в Китае, истинные его друзья с сожалением констатируют, что достигнутый страной прогресс связан прежде всего с военно-промышленным потенциалом и направлен исключительно на обслуживание гегемонистских целей правящей верхушки.

Использование научно-технического прогресса в интересах повышения благосостояния китайского народа умышленно сдерживается политикой Мао Цзэ-дуня, отбрасывающего общество своим волюнтаристским «скачками» на многие годы назад. Попытка сделать беславу «культурную революцию» нормой жизни Китая, о чем, в частности, шла речь на X съезде КПК, сулит труженникам этой огромной страны не менее мрачные перспективы.

Сейчас 18 процентов всей электроэнергии вырабатывается небольшими электростанциями уездного и коммунального уровня, 60, 50 и 40 процентов тутовых удобрений, синтетического аммиака и цемента приходится на долю местных крохотных химических и цементных предприятий.

Подоплека словесных изощрений маоистов вполне очевидна. В планах Мао Цзэ-дуня и его окружения — не повышение реального жизненного и культурного уровня населения в отдельности, не увеличение ассигнований на строительство жилья, школ и больниц, кинотеатров и клубов, не использование мирной энергии атома для производства материальных благ. В их представлении народ — это некий «чистый лист бумаги», на котором «можно» писать самые новые, самые красивые слова, можно рисовать самые новые, самые красивые картины, человек — это робот, объект для всевозможных экспериментов. В противном случае стали бы бросать миллионы людей на бессмысленное строительство карликовых доменных печей, на слепое разрушение памятников культуры, на бесцельное рытье окопов и убежищ? Как совместить научно-технический прогресс, предполагающий рост общеобразовательного и культурного уровня людей, с нигилистским отношением Мао Цзэ-дуня к образованию и культуре? И притом если, по словам Мао, только «бедность» заставляет стремиться к переменам, то не служит ли прогресс науки и техники по такой логике тормозом?

Существенное повышение роли науки и техники в народном хозяйстве представляет для Китая сложнейшую задачу. Решение ее требует крупномасштабных экономических, организационных и технических мероприятий, усиления научно-технических связей со всеми промышленными государствами, в первую очередь со странами социалистического мира. Однако проведенный недавно в тайне, на скорую руку, X съезд, как подчеркивается в прогрессивной зарубежной печати, с его неистовым антикоммунизмом и милитаризмом не принес с собой никаких конструктивных решений экономических проблем, стоящих перед КНР.

Тем более беспочвенны разговоры буржуазных авторов о каком-то «открытии китайского общества», «ренессансе» и научно-техническом прогрессе в Китае. Давая оценку состоянию науки и техники в Китае, истинные его друзья с сожалением констатируют, что достигнутый страной прогресс связан прежде всего с военно-промышленным потенциалом и направлен исключительно на обслуживание гегемонистских целей правящей верхушки.

Использование научно-технического прогресса в интересах повышения благосостояния китайского народа умышленно сдерживается политикой Мао Цзэ-дуня, отбрасывающего общество своим волюнтаристским «скачками» на многие годы назад. Попытка сделать беславу «культурную революцию» нормой жизни Китая, о чем, в частности, шла речь на X съезде КПК, сулит труженникам этой огромной страны не менее мрачные перспективы.

Существенное повышение роли науки и техники в народном хозяйстве представляет для Китая сложнейшую задачу. Решение ее требует крупномасштабных экономических, организационных и технических мероприятий, усиления научно-технических связей со всеми промышленными государствами, в первую очередь со странами социалистического мира. Однако проведенный недавно в тайне, на скорую руку, X съезд, как подчеркивается в прогрессивной зарубежной печати, с его неистовым антикоммунизмом и милитаризмом не принес с собой никаких конструктивных решений экономических проблем, стоящих перед КНР.

Тем более беспочвенны разговоры буржуазных авторов о каком-то «открытии китайского общества», «ренессансе» и научно-техническом прогрессе в Китае. Давая оценку состоянию науки и техники в Китае, истинные его друзья с сожалением констатируют, что достигнутый страной прогресс связан прежде всего с военно-промышленным потенциалом и направлен исключительно на обслуживание гегемонистских целей правящей верхушки.

Использование научно-технического прогресса в интересах повышения благосостояния китайского народа умышленно сдерживается политикой Мао Цзэ-дуня, отбрасывающего общество своим волюнтаристским «скачками» на многие годы назад. Попытка сделать беславу «культурную революцию» нормой жизни Китая, о чем, в частности, шла речь на X съезде КПК, сулит труженникам этой огромной страны не менее мрачные перспективы.

— Ну ладно, попробую. Только не думай, что мое слово чего-нибудь стоит. Он ведь швейцарец, немецкий швейцарец. А знаешь, какие они там, в Швейцарии, точные? Они часы делают, и сами — как часы.

Он направился к церкви. Однако перед тем, как войти, обернулся. Парень стоял у подножия лестницы. Шофер посмотрел на него укоризненно и вместе с тем сочувственно.

— Как ее звать-то, будь она не ладна? — спросил он. — Розалия, — обрадовался парень, — Розалия Калачура.

Блазер уже вытащил свои причиндалы и внимательно, бережно, будто хирургические инструменты, раскладывал их на проволочном столе. Можно было подумать, что в этой ризнице, пронизываемой лучами солнечных лучей, струящихся из высоких зарешеченных окон, под давящими целому ряду сакраментальных взглядами епископов и священников, изображенных на потускневших от времени ярко высветленных полотнах, среди больших шкафов из темного ореха, где так странно пахло воском и ладаном, валялось и плескалось, он и впрямь готовится к какой-то сложнейшей процедуре — то ли к хирургической операции, то ли к пытке.

Девушки, а вместе с ними и священник наблюдали за руками синьора Блазера, как завороченные.

Атмосферу тоскотного нетерпения нарушил повывавшийся в дверях шофер:

— Синьор Блазер, можно вас на минутку? — Синьор Блазер обернулся. Взгляд его был полон удивления, почти негодования, глаза смотрели еле ледянее, чем всегда. Шофер указывал пальцем правой руки на парня, стоявшего у подножия лестницы. Шофер указывал на него, что Надуватель, — (подумал шофер), встал и до обидного медленно пошел к дверям.

— Вы поняли, где мы находимся? — шепнул ему на ухо шофер.

— Понял, — ответил Блазер.

— Мафия. В этом городишке хозяйничает мафия!

— Понял.

— Вы знаете, что такое мафия?

— Плевать мне на мафию! — по складам, с натугой выговорил синьор Блазер.

— А мне — нет. Послушайте моего совета, по-братски вас предупреждаю: тысячу раз взвесьте, прежде чем говорить «мне плевать». Между «мне плавать» и «мне не плавать» та же разница, что между умереть и жить.

— Не понимаю, — сказал синьор Блазер, хотя именно в этот момент начал кое-что соображать.

— Потому-то я и говорю: прислушайтесь к моему совету! — урезонивал его шофер.

— В!а! — сказал синьор Блазер, что должно было означать: «Выкладывай свои соображения, да поскорее».

— Одну из этих девушек — ее зовут Розалия Калачура — не берите.

— Не брать?

— Да. Побойку ее, побойку! Сразу же. Она не подходит.

— По возрасту? — спросил синьор Блазер. — Или?.. — И он ткнул себя пальцем в лоб, намекая на умственную расстройственность.

— Да нет же! — нетерпеливо возразил шофер. — С этой стороны у нее все на месте. Просто воздержитесь, и все тут!

— И все?

— И все.

Шофер сжал руку в кулак, выставил большой и указательный пальцы циркулем и трижды нажал на воображаемый спусковой крючок.

— Пам, пам, пам... В нас. В меня, в вас... Живо уюкоштит.

— Кто?

— Ее ухахер. Он не хочет, чтобы эта девушка уезжала.

— Ах, вот что, — протянул синьор Блазер и вернулся на место.

— Возьмет! Как бог свят, возьмет девочку, — подумал шофер, — из гадства, лишь бы досадить, назло. Будь я на месте бедолаги, который дождется на улице, я бы этого Блазера проучил хорошенько. А выйдет наоборот: парень нахалится на меня. Как ему растолкуешь, что Блазер никаких доводов не слушает? Наверняка подумает, что я просто не захотел ему помочь.

Тем временем начался экзамен. Шофер решил выяснить, которая из девчат Розалия Калачура. Всего их было четырнадцать. Он мысленно отобрал трех самых красивых. Тут одну из трех выкинули — ее звали иначе. Оставались еще две. Розалия среди них не оказалась.

Розалия не была красива. Присмотревшись повнимательнее — ничего, приятная девушка, но далеко не красавица. Небольшого роста, черноволосая. Однако, судя по ответам, одна из самых смелых.

После того как Блазер прозакламеновал Розалию и сказал «basta!», он взглянул на шофера. Тот замотал головой — дескать, не берите, не надо. Помешала немного, Блазер обратился к священнику:

— Я не желаю неприятностей.

— Как вы сказали? — переспросил священник.

— Неприятностей, — осоловевший, морщинистый — уточнил синьор Блазер, продемонстрировав заряд слез — скверным произношением, неожиданным богатством слогов.

Священник вынул шею, голова его ходила ходуном, как на штыре, глаза блуждали, он ловил ртом воздух —

точно-точно персонаж из комикса, кишкообразный вопросительно-восклицательный знак.

У той девушки есть жених? — спросил синьор Блазер.

— Нет, — ответил священник, начавший кое-что поминать.

— Нет, — подтвердила мать Розалии.

— А я утверждаю, что есть, — настаивал Блазер.

— Да не жених он вовсе! — возмутился мать Розалии.

— Просто бегает за ней тут один непутевый, безработный. Над какой я хозяйка.

— Не правда, он не непутевый! — возразила Розалия.

— Просто никак не может найти работу.

— Погубит он тебя, — сказала мать.

— Нет. Он меня любит. А в Швейцарии я хочу поехать еще и для того, чтобы заработать себе на приданое и выйти замуж.

— Ах, вот как оказывается, о чем ты думаешь! О приданом! — вскрипела мать. — А что ты нищие, забываешь? Что вы наша надежда на те несчастные гроши, которые ты будешь нам посылать?

— Кое-что буду посылать и вам, но в Швейцарию я еду, чтобы заработать себе на приданое.

— Хватит! — амежалась синьор Блазер. — Я ее беру. Шофер вышел из ризницы, миновав пустую церковь.

Парень дожидаясь его, прислонился к автомобилю.

— Как я говорил, так и вышло, — буркнул шофер.

— Взял?

— Да. Мой совет пропустил мимо ушей. Вот упрямая бабка! Мало того, еще проговорилась, что ты хотел этому делу помешать. Старуха разозлилась, про тебя сказала, что ты ничинный человек, хочешь погубить ее дочь. За то девушка за тебя вступилась.

— Она меня любит, — сказал парень.

— Любит, а сама в Швейцарию уезжает, — съехидничал шофер.

— Сытый голодного не разумеет, — обиделся парень.

— Не такой уж я сытый, чтоб не понять голодного, — возразил шофер. — Я только хотел сказать: надо бы тебе ее отговорить — и от Швейцарии, и от этого экзамена. Если она свою линию гнет, значит, на то есть причина: или любит тебя не так сильно, как ты думаешь, или нужна заела...

— Нужда заела, — согласился парень.

— А коли ты в самом деле ее так любишь, пусть едет. Никогда не денется. Она девушка упорная, вернется! Тогда и поженитесь.

— Кабы мне найти работу... — вздохнул парень.

— Найдешь. Вон у нас сколько народу уезжает... Должно бы хватить работы тем, кто остается.

— В том-то и загвоздка: чем больше уезжают, тем наш городишко беднее становится...

— Не может этого быть, — возразил шофер, судивший об экономике с помощью простой арифметики.

— Ты думаешь, это все равно, что теснить на одной скамейке один встал, ушел — остальным легче, выгоднее... Завес у нас ни у кого места нет, когда кто-нибудь уходит, остальные даже не замечают, а если и замечают, то только одно: что городишко пустеет.

— Это что-то не ясно, — сказал шофер.

— То-то и оно, — согласился парень.

— А почему бы тебе тоже не поехать в Швейцарию? В Швейцарию или в Западную Германию... Она от Швейцарии в двух шагах.

— Там я уже был, целых три месяца... Только я говорю: человек не собака... Пусть мной помыкают, пусть я живу на чужбине, тоскую по всему этому, — он показал на площадь с церковью, на небо, истекшее золотом заката, — но лишать меня прав никому не позволю.

— Прав? Тебе что, недоплачивали?

— Да нет, платили сполна, честь по чести, аккуратно каждую пятницу. Я о другом праве говорю, праве жить, как я здесь живу. Вот мы с ней только недавно познакомились, но она человек и я человек, мы равноправные, хотим — разговариваем... У них же все не как у людей, они нас будто не видят, не замечают. Чувствую себя, как муха в паутине, — заарканю тебя на кружину лива, и виснешь на ней, трепыхаешься... Ох, уж это мне ихнее пиво, не приведи господи!

— Да... — откликнулся шофер.

На него вдруг нахлынули воспоминания, от которых мороз продирал по коже.

— Вот я и схожу с ума. Как подумаю, что и ей придется испытать то же самое, у меня ум за разум заходит. Что в Западной Германии, что в Швейцарии, один черт.

— Она женщина, — сказал шофер, — а женщины умеют припрятываться, легко привычки меняют и сами меняются. Уезжал — она ледя чистила, а через несколько месяцев, глядишь, уже барыня.

— Это верно, — согласился парень.

— И потом, знаешь, что я тебе скажу? Чему быть, того не миновать. Поелет она в Швейцарию или не поедет, если тебе на роду написано жениться на ней, женишься,

ХОЗЯЙСКИЙ
ГЛАЗ
«КЛУБА ДС»

Л. ИЗМАИЛОВ

ШКУРКА

— ПРОСТИТЕ, пожалуйста, могу я видеть автомеханика Селезенкина?

— Это уж я не знаю, можешь ты видеть или не можешь. Это тебе к глазнику надо обратиться, папаша.

— Я в том смысле, здесь ли он сегодня?

— А где ж мне еще быть-то?

— Очень приятно. Я и вам по рекомендации профессора Супругова.

— Это который же? У меня этих профессоров каждый день, знаете, сколько? Один даже доцент был.

— Супругов — это тот, которому вы не «Москвич» фару меняли.

— А, плотный такой. Ну?

— Так вот, у меня тоже подфарники сняли. В продаже их нет. Может быть, у вас найдутся?

— Это уж как договоримся.

— О деньгах не беспокоюсь.

— А чего мне беспокоиться? Это ты беспокошься. Для меня деньги — тыфу. Ты скажи лучше, что ты мне устроишь?

— Как устроить?

— Ну как, как... Как все! Вон директор комиссии у меня под покраской стоит. Я ему полировок — он мне лакировочки. Или вон завазкой без передка. Я ему рессоры — он мне икорки. А ты сам-то где екальцевал?

— Я, собственно, доктор...

— Во! Специальность нужная. От последствий лечить можешь?

— Я не врач. Я доктор наук. Математик.

— Ну и что ты, математик, можешь?

— Могу, например, вешего сыну в институт подготовить.

— Скажешь тоже... Что он

у меня больно, что ли? Я его подножки варить присоблю — будет жить, что твой академик.

— Ну, в таком случае, не знаю, чем я могу быть вам полезен.

— Сам не способен, так, может, у тебя знакомые стоящие есть? Сведи, мы с ними быстро столкнемся. Вот я, к примеру, одному артисту нарядно обликовал меня. Сам-то он совсем человек инкудунный. Ни на что, кроме контрмарок, не годится. Зато у доцентшицы сестра в «Хрустале» уборщицей работает. Смекаешь?

— У меня есть, конечно, влиятельные знакомые. Например, главный редактор издательства.

— Ну и что мне с него толку?

— Если вы, к примеру, книгу напишете, он поможет издать.

— Ты что, режиссер? Книгу. Я брату третий год письмо написать не могу.

— Могу вас познакомить с членом-корреспондентом.

— Корреспондент — это хорошо. Набрось, пограничник ездит?

— Нет, он член-корреспондент Академии наук.

— Это мимо дела.

— Ну тогда я не знаю...

— Да, видите, не столкнулся. Больше нет никого, что ль?

— Есть, конечно, только, вероятно, они вас не устроят. Вот, например, академик один, биолог.

— Животных, что ль, мучает?

— Что значит — мучает? Он экспериментирует, конечно.

— На ком?

— На кроликах.

— Ну и что они? Дожнут?

— Не без этого.

— Так ты бы с этого и начал. Тащи сюда своего академика и считай — подфарники твои.

— Простите, не понял, зачем вам академик?

— Да мне твой академик и даром не нужен. Мне шкурки кроликов нужны. На шапку.

Станислав РОДИОНОВ

В НИИ-отделе...

Мы ВХОДИМ в отдел. Просьба дышать не очень — люди же работают.

Перед вами начальник отдела, который сидит за самым большим столом. Уж не такой он большой, чтобы не было видно начальника отдела. Видно, он пошел к другому начальнику отдела.

Вот перед вами ведущий инженер, которого уехала в буфет чертёжница Оксана. Иначе бы он обязательно был на месте.

А вот перед вами инженер-конструктор, который трудится за кульманом. Кульман — это чертёжная доска, поставленная на попу. Действительно, он не совсем трудится, ибо его у кульмана нет. Это его мы видели в коридоре. Это тот самый курьер, который отнес чертежи, но все знают, что он научился спать стоя.

Тогда перейдем ко второму инженеру-конструктору, который трудится за вторым кульманом. Напрасно вы заглядываете под кульман —

уж если инженера нет, так его нет.

К третьему инженеру-конструктору не пойдем, поскольку она сейчас во Дворце бракосочетаний — хлопот разрешен на бракосочетание во Дворце бракосочетаний, а Дворце бракосочетаний, упрямости, поскольку она хочет бракосочетаться третий раз, и опять во Дворце бракосочетаний.

Перейдем лучше к молодому специалисту Гоше, который наверняка на месте. И верно, его тоже нет — он третий день выколачивает подписку на теоретический журнал «Наша клюшка».

Ну, это место чертёжницы Оксаны, которая уехала в буфет.

Теперь мы подошли к последнему члену этого коллектива, к кандидату технических наук Клавдии Исмаиловне, которая стоит у стеллажа — вот она перед нами. Как же она, если это она? А кто же это перед нами? Действительно, не она, а на стеллаже висит недовзвешенная дубленка из овчины, мохеровая, которую Клавдия Исмаиловна еще доживает. А сама она отпросилась на третий инфаркт родной сестры Антонины Исмаиловны, с которой вместе стоит сейчас в очереди за дамскими гарнитурами, импортными, политехновскими.

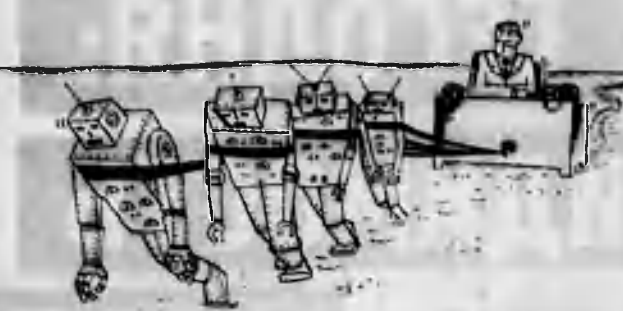
Мы выходим из отдела. Просьба дышать про себя — люди же работают...

ИЗ ЦИКЛА «Я ВОЛКОМ БЫ ВЫГРЫЗ...»

В. ВАСИЛЬЕВ (ТЮМЕНЬ)

ЧУДАКИ

В. СОРОКИН

Михаил ВЛАДИМОВ

Иммигрантский Тим

Александр ГОВОРИВ

О, как мечталось
и по-
де-
О встрече с отчим домом...
..Тим-Тим! — стучат
нозев...

Мне на-
до-
е-
ло

В ЦДЛ.
В Тим! В Тим!
В Тим-Тим! —
Я зако-
тел.

Там — отчим дом,
Там — дедов дым.
Там — тинкшн,
Стихи,
Имтим.

А вот и Тим,
И дед, и дым.
Всю ночь часы:

ПОДРАЖАНИЯ

— Тим-Тим! Тим-Тим!
Вдвоем сидим —
Я.
Дед Матим,
Коптим,
Глотаем нитоким.
Ден — посидим,
Ден — посидим.
И по-
та-
нуло

В ЦДЛ.

А в ЦДЛ — уже с утра
«Тим-Тим! — бьет сердце —
В Тим пор!»

Так на

два до-
ма я живу:

И в этот раус,
И с тем не ру.
Здесь — ЦДЛ,
Там — ЦДЛ!

Бестемья есть,
Бестимья нет!

Владимир ПОЛЯКОВ

ЭРУДИТ

РАССКАЗ

В ОТ уже два года у нас в учреждении работает некто Дебневский Анатолий Викторович. Два года он у нас работает, и два года мы не успеваем удивляться и поражаемся его обширнейшей эрудиции, его осведомленности абсолютно во всех вопросах: от органической химии и до жены популярного исполнителя песен Дмитрия Абкарова, от вируса гонимского гриппа и до раскопок древнего Карфагена.

Нет ничего, чего бы он не знал.

— Анатолий Викторович! Вы случайно не в курсе дела, когда умер изобретатель зонтика?

— Франц Шмазепух скончался во Франкфурте 10 сентября 1816 года 56 лет от роду.

— Анатолий Викторович, где самые красивые женщины?

— На островах Папакапуу.

— А как по-турецки пишущая машинка?

— Матекерпрам.

— Кто написал роман «Человек без усов»?

— Португальский писатель Мактукас — близкий друг поэта Даминтоса.

— Что такое супернейтрон Маслинга?

— Это нейтрон Бартушевского — Падюки, распавшийся при температуре 258 градусов.

— Кто такие тарасы?

— Тающие тарасы.

— Как-то его спросили, что собой представляет формула Блаудинга.

— Все были убеждены, что этого-то уж он не знает.

— Черт с два!

— Если мне не изменяет память, — сказал он, — это четыре альфа икс деленное на восемь итерт из минус два плюс четыре и три десяти бета зат. Но насчет бета-та я не вполне уверен.

— Наши дамы просто стояли с ума. Они никогда не знали более интересного собеседника.

— Он мог говорить на любую тему. Зная этот человек, бывавший ошеломлен и подавлен, и его наперсник пригласили в гости.

— К нему обращались по любому поводу и при любых сомнениях.

— Что вы думаете о матче «Арават» — «Пактакор»?

— Выиграет, несомненно, «Арават». Но нового Пеле нет в природе. В Никарагуа, правда, появился новый нападающий Паралегуа, но теоретик футбола Сибегр говорит, что ему надо еще учиться и учиться.

— Каков коэффициент сопротивления в конденсаторе Умане?

— Два и девять.

В обеденный перерыв он читал на память сонеты Кришны, рассказывал, как в Болоньи охотятся на змей и как делают целлофан для сосисок.

— Как-то в выходной день мы все — двое моих друзей Мулин и Блюмин, я и мой сослуживец Гризотуров — поехали отдохнуть за город. Мы взяли такси и совершили восхитительную прогулку.

— Что это? — спросил Гризотуров, залюбовавшись морем зелеными, полновесными колосьями вдоль дороги.

— Это пшеница Крюкова, морозоустойчивая 2 БЕ, — сказал Дебневский. — Крюков умер в 71-м году в селе Устюгова Крушка от пережарившейся арматуры вследствие отложения неумовных кислот. Как слабу еще наши медики!

Мы все посочувствовали нашей медицине и еще раз возгордились нашим товарищем, покая, как нам далеко до него.

В этот момент что-то стряслось с машины, она фыркнула и стала.

— Затухание эмпирионного клапана, — сказал Дебневский. — Надо прополоскать своему Яблокову.

— Чего? — вдруг возмущился водитель. — Чего полоскать? Я просто остановил машину, чтобы достать из под сиденья папиросы. Какую это ты свечу придунал?

— Это техническое название, — тихо сказал Анатолий Викторович, — «Свеча Яблокова».

— Нет таких свечей. Это была такая лампочка, только к автоделу она никакого отношения не имеет.

И тут меня осенило.

— Анатолий Викторович, — спросил я, — вы не помните случайно, какой главный город Канады?

— Неужели вы не знаете? Бадминтон.

— Бадминтон — это игра, — сказал я.

— Тогда Олвер, — сказал он.

— Нет, тогда Оттава.

И Дебневский замолчал на всю дорогу. И не только на дорогу. Навсегда.

Больше ему не задают вопросов, и он не имеет успеха у женщин.

Теперь мне успех у женщин, может быть, вас интересует, что я больше всего люблю из современной музыки? Пожалуй: сонату Ба-моль композитора Демези для мандолины с фоготом.

ИРОНИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ

Борис БРАЙНИН

Бесечность

Недавно я прочел в одной заметке,
Что старики живут у нас,
Сто с лишним лет живут
на белом свете.
(Коль девяносто —
это не старик.)
Бесечность,
словно маленькие дети,
Не зная о подлге,
Они сидят
отдыхая не на дивне,
А пьют вино
и кушают шашлык.

На думая о собственном
здоровье,
[Здесь за бесечность
упрекну их вновь.]
Они делают барашков
поголовье,
А кровь на РОЭ
черта с два сдают.
На знают свой процент
гемоглобина,
Не знают свой процент
билирубина.
На знают свой процент
холестерина —
Едят шашлык и вино
[анна!] пьют.

Так жить в двадцатом веке
по старинке!
Не ведая о пользе
аскорбинки,
Не зная про последние
новинки
И про гипертонический
браслет!
Не зная психотропных
препаратов.

Не веря в мощь
реинтенолатора —
Какой пример дают они
внушам
[Мальчишкам этим
в восемьдесят лет!]

В сто с лишним
[мне представить
даже жутко]

Никто не знает
«утка» — это утка,
Ни разу не прошли
реинтен желудка,
Да и флюорографии
простой.
На признают — ведь вот
они какие —
Укусос пчал
и иглотерапии.
На убегают от гипертонии,
Ни рисую, ни гапопом,
Ни трусочки.

Хоть лифтов нет на
горные отроги,
Они, не зная,
кто такие йогги,
С зарей, как говоритесь,
руки в ноги
И ать-два-три овец в горах
пастись...

Но список этот здесь
я прекращаю,
Ведь, если честно,
я их понимаю:
Конечно, старцы попросту
не знают,
Что ненаучно так себя
вести.

Вдали от чудных платных
поликлиник,
Они не пьют таблетки
и пустырки,
Не пьют вино и кушают
шашлык.
А мне легко давать
советы эти:
Снжу
в гипертоническом
браслете,
«Б-прим» и «Б-двандица»
не бросать,
Которые снимают нервы
тк.

Я, НАВЕРНОЕ, сжился бы с первобытными людьми. В конце концов это были веселые малые с грязными ногтями, без воротничков и в постоянном прекрасном расположении духа. Других недостатков у них не было. Грязные ногти компенсировало чистое первобытное сердце, воронки заменяла прекрасная шкура со свежесобранной шкура, а так как тогда не было ни литературы, ни родственных, ни увлеченных собственным самоуверенством, ни дурного настроения и не могло существовать.

Но с людьми грядущих поколений я, наверное, бы не ужился. Это будут люди с очень странными привычками.

Я представляю себя сидящим за маслинным столом в небольшом семействе двадцать третьего века.

— Проглотил!

— Мерси. Проглотил. Кажется, так с бумажкой.

— Еще таблеточку.

— Мерси. Не надо больше таблеточек.

Передо мной маленькое блюдо, на котором разложены какие-то пилюли, таблетки и капсулы с заманчивыми надписями: блины, семга, икра, сметана, селедка.

Вот добрая старая женщина, сидящая рядом со мной, разрезает маленькую таблетку на четыре части и официально извещает:

— В этой таблетке питательность шестнадцати блинов. Если ее опустить в воду, получится крепкий бульон. В холодной воде она даст расщеп лимонада.

Меня это начинает раздражать.

— Дело не в сытости, — недоуменно затяну я, — а во вкусе.

— Эта блинная таблетка напоминает вкус сушеного ананаса.

— Блины должны пахнуть ананасом!

— Да не все ли равно, голубчик, сыты будете.

Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

— Хотите, я сяду в сторонку.

— Блин должен иметь вид, — радостно вспоминаю я один из самых сильных доводов своего века, — он должен быть румяным и чтобы из кухни несло чадом.

Хозяйка будет поставлена в ужасное положение. Знакомые гостеприимства еще будут в силе (только со второй половины XXVII века гостей будут бесшумно убавлять в конде коридора, у пустого чуланчика), мне заготовят угождать.

сразу начинать пить и звать на ты. Жутко... — с глубоким вздохом вырывается у меня. — А как же опохмелиться?

У его есть время — лежишь, а много принимай таблетки с содовой, черным кофе, лимонном, прасованым компрессом и льдом. Алкоголизм, так ты целый день только и принимаешь таблетки. Сначала коньячку, потом опохмелительную, потом снова коньячку...

— А полиция что смотрит?

— У нас на других начала. Стоит около него полицейский и смотрит, чем дело кончится. Если последняя таблетка кончалась — насильно его опохмелит, а если опохмелительная — пожелает спокойной ночи и летит дальше. Другой дел много.

— Так.

Я встану. В желудке будет чувство полной сытости, даже потанет ко сну, а в сердце обидное сознание, что ничего не смог выпить. Так то скисло-то скисло... Точно ребенок, затерянный в лесу, осторожно ахнул и стану просыпаться...

Нечего мне будет делать с такими людьми. Я сам по себе, они сами по себе.

Публикация Н. БУХОВА «Новый Сатирикон», 1917 г.

ПАНЕГИРИК «КЛУБА ДС»

ЮБИЛЯР
НАШЕГО ЦЕХА

Вчера фельетонисту Илье Шатуновскому исполнилось ровно — пятьдесят лет. Сатириком он стал не сразу. В детстве Илья Шатуновский был обыкновенным. Однако наблюдательный мальчик заметил, что среди окружающих его действительности, наряду с большим недостатком, новшеством, все еще имеются отдельные недостатки. Это не могло не заставить Илью Шатуновского поспешить всю свою дальнейшую жизнь борьбу. Со всем тем, что мешает жить, не мешая улыбаться. Ядовитая улыбка фельетониста по силе эмоционального воздействия может быть приравнена и грозному неукротимому оружию. В высшей степени профессиональное владение этим оружием помогло юбиляру искоренить немалое количество недостатков. Лучшие фельетоны И. Шатуновского составили несомненно книгу, которую и днем с огнем не сыщешь на прилавках книжных магазинов. Илья Шатуновский — администратор «Клуба ДС» от души поздравляет своего старшего коллегу со славной годовщиной в его личной жизни и желает ему дальнейшего счастья в труде.

А. ПРОНИЧИН

СТЕНГАЗЕТА
КЛУБА

СПОРТ. СПОРТ.
СПОРТ.

— так ответил первоарзиди Думов на вопрос: «Чему вы обязаны поступлением в институт вне конкурса?»

НАШ ВЕРНИСАЖ

Портрет неизвестного выставлен в городе Новокузнецке. Этот портрет можно увидеть на центральной улице города на доске «Нх щет миллион».

ЕСТЬ НОВЫЙ РЕКОРД!

На прошедших в Круп